

**СЕРГЕЙ
АНИСИМОВ**

**«АБРАМСЫ»
В ХИМКАХ**

КНИГА ВТОРАЯ

Позади Москва

Дойти и рассказать

Сергей Анисимов

Позади Москва

«ЭКСМО»

2014

Анисимов С. В.

Позади Москва / С. В. Анисимов — «Эксмо», 2014 — (Дойти и рассказать)

ISBN 978-5-699-73992-9

Если завтра война... А если не завтра, а уже сегодня? США и их союзники по НАТО в интересах прав человека и демократии развязали войну, лицемерно названную «Миротворческая операция «Свобода России». И что же может сделать простой россиянин в этой ситуации? Поднять над своим домом чужой флаг и встретить хлебом-солью убийц своих соотечественников? Или попросту уйти в сторону и попытаться выжить? Или встать на защиту Родины? Офицеры, мальчишки-курсанты, студентка, лейтенант-резервист, — все они сделали один и тот же выбор, но у каждого из них своя судьба...

ISBN 978-5-699-73992-9

© Анисимов С. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Понедельник, 18 марта	31
Вторник, 19 марта	44
Вторник, 19 марта	56
Вторник, 19 марта	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Анисимов

«Абрамсы» в Химках. Книга вторая. Позади Москва

*Не речами, не постановлениями большинства решаются великие
вопросы эпохи, а железом и кровью.*

Отто фон Бисмарк, в обращении к депутатам Рейхстага, 1862 г.

© Анисимов С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Это случилось на вторые сутки после начала миротворческой операции международных сил, когда произошло уже много, очень много событий, обозначаемых как «первые». Первый убитый миротворцами военнослужащий Российской Федерации, первый захваченный в плен, первые уничтоженные единицы бронетехники и авиатехники разных классов остались позади – пунктами в новостных обзорах, в статистике, в графиках аналитиков всех мастей. Но именно начиная с вечера понедельника 18 марта в многочисленных официальных обращениях к населению Европы и США, в приложении к России впервые прозвучал термин «государственный терроризм». Мгновенно и с огромным энтузиазмом подхваченный средствами массовой информации. Разумеется, он звучал и ранее: всем было давно известно, что Советский Союз и затем Россия десятилетиями поддерживали террористов и тиранов всех мастей: от Муаммара Каддафи до Фиделя Кастро, от коммунистических бригад в европейских странах до афганского «Талибана». Это было не только известно, но и привычно, но всегда звучало как-то смазанно, неакцентированно, неофициально. Здесь было совсем другое дело. Здесь этот термин начал звучать разом по любому поводу. Как с привязкой к сиюминутным событиям – то есть к неспровоцированному нарушению подразделениями Российской армии государственной границы с соседней страной, – так и без нее. Причем это совершенно не сопровождалось подачей какого-нибудь нового иллюстративного материала. Например, нарезкой из видеопротоколов допросов бородатых террористов, рассказывающих о том, что именно Россия наняла их в 1996 году для того, чтобы сбить рейс 800 авиакомпании «Trans World Airlines» на взлете из аэропорта Кеннеди, передав им переносной зенитно-ракетный комплекс и указав цель. Тогда погибли 230 человек, виновных так и не нашли. Или, например, показом серии интервью арабских или даже американских ученых в белых халатах, рассказывающих о том, что именно русские помогали Саддаму и Каддафи разрабатывать оружие массового поражения, которое у них, несомненно, было. И которое могло быть использовано для террористических актов по всему миру, если бы не своевременное и жесткое вмешательство межнациональных сил. И так далее с утра до вечера, в том же стиле, что и в прошлые разы, – до умиротворения Югославии и Ирака. В форматах, использовавшихся последние недели перед началом миротворческой операции, но с еще большей интенсивностью. Окончательно доводя аудиторию до кипения, вызывая у среднестатистического слушателя или телезрителя желание то ли записаться в морскую пехоту немедленно, то ли отмечать каждую новую круглую цифру в «Новостях дня» фейерверком и барбекю, как на День Независимости. Но иллюстраций не было, а новая концепция уже была, появившись сама по себе, без лишних надстроек. Вот еще вчера, 17 марта 2013 года, статус России как террористического государства как бы подразумевался, но об этом не говорилось

вслух, а уже сегодня это осознали все, и действие каких-то дополнительных факторов здесь было совершенно не нужно.

Но и это было мелочью, фоном ко второй, важнейшей трансформации. В отличие от первой, имеющей не только большое политическое и дипломатическое значение, но и военное значение без преувеличения огромной степени. Как известно, вхождение прибалтийских государств (независимых Эстонии, Латвии и Литвы) в состав СССР так и не было признано США и многими другими государствами, включая Ватикан. Соответственно, начиная с 1940 года и до самого распада Советского Союза и восстановления их независимости изображение территории трех прибалтийских государств на картах американского выпуска всегда сопровождалось пометкой *«Включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза в августе 1940 [года] не было признано Соединенными Штатами. Под советским управлением эти области действуют как входящие в Советский Союз республики»*. Таким образом, западные демократические государства формально рассматривали советское управление этими территориями как нелегальное, а сами территории как оккупированные. Интересным исключением являлась Австралия: в 1974 г. лейбористское правительство этого государства признало права СССР на эту территорию, но парламент уже следующего созыва вновь вернулся к прежнему статусу. Это не мешало США и иным странам вести взаимовыгодную торговлю с Советским Союзом, иметь общее членство в международных организациях, осуществлять культурный и научный обмен и т. д., но факт есть факт: с юридической точки зрения наиболее политически активная часть международного сообщества *de jure* полагала территории прибалтийских государств оккупированными. Соответственно, призыв граждан Эстонии, Латвии и Литвы в Вооруженные силы СССР и их использование в военных действиях на стороне СССР в качестве комбатантов являлись абсолютно незаконными, что вступало в прямое противоречие с несколькими статьями Женевской конвенции об обращении с военнопленными в чтениях 1929-го и 1949 годов. Соответственно, Советская армия являлась преступной организацией аналогично СС, СД и гестапо нацистской Германии. Соответственно, все военнослужащие Советской армии, за исключением служивших в ней по призыву (то есть рядового и большей части сержантского и старшинского состава), являлись преступниками. И подлежали суду как преступники, выпадая из-под действия Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны.

Озвученная мельком, без большого акцента, без комментариев, опубликованная Белым домом в формате документа второстепенного значения, эта концепция произвела эффект, сравнимый с ядерным ударом тактического уровня. Не имело значения то, что введение понятия «преступная организация» потребовало в свое время процесса ранга Нюрнбергского, с сотнями томов документальных доказательств, широким освещением и всем прочим, отлично известным каждому образованному человеку. Нарушение Советской армией Женевской конвенции в данном конкретном случае было настолько очевидным, что предоставляло возможность присвоения такого статуса «виртуально», без официального судебного процесса. В результате каждый офицер, служивший в бывшей Советской армии, являлся, с точки зрения миротворцев, военным преступником. А это подразумевало очень серьезные последствия и касалось подавляющего большинства высших офицеров и значительной доли старших офицеров: *general officers and field grade officers* по американской классификации. Командующих частями Российской армии сейчас или способных перейти в действующую армию из резерва. Многих политических и административных лидеров, имеющих военное прошлое. Многих бизнесменов и промышленников. Всех без исключения врачей, имеющих достаточный возраст, чтобы застать Советскую армию и дать ей присягу. И мужчин и женщин – все врачи в Советском Союзе и России имели и имеют звания офицеров запаса. Юристов. И так далее на много пунктов.

Отдел по связям с общественностью в *«community affairs»* штабе генерал-лейтенанта Хэртлинга, точнее одно из подразделений этого отдела, осуществлял «тонкую настройку» этого

мероприятия почти «на месте» с территории Польши. Однако в целом число задействованных в нем специалистов исчислялось сотнями, и большинство их работало в комфортабельных офисах, расположенных в получасе езды от собственных комфортабельных и привычных домов или комплексов апартаментов в нескольких разных штатах США. Современные информационные технологии позволяли очень многое, а средства в это мероприятие были вложены огромные, и, что самое главное, заблаговременно. И ориентация была не на североамериканскую и европейскую аудитории, не на английский и немецкий языки, а на русский. Когда проводились операции в Ираке и Югославии, на врага сбрасывали миллионы листовок, печатавшихся на современных высокопроизводительных полиграфических комплексах многомиллионными тиражами прямо на бортах авианосцев. В России вклад этого традиционного способа пропаганды был пока минимальным – скорость продвижения сил миротворцев по территории России находилась в дисбалансе с досягаемостью авиации ближнего радиуса действия. А в глубине их территории имела мощная объектовая ПВО. Но в большинстве городов и даже сельских районах еще периодически функционировала сеть Интернет, проводная и беспроводная телефонная связь. Именно на них ориентировались люди, запланировавшие этот ход годы назад.

* * *

– Алло, это Петербург? Квартира Петровых?

– Да.

– Мария Сергеевна?

– Да, я вас слушаю!

– Хорошо, что я дозвонился. Раз двадцать уже пытался.

– Да, у нас то есть связь, то нет, никогда и не знаешь. А кто это?

– Меня зовут Алексей Сергеевич. Я звоню по поводу вашего мужа...

– О господи! Миша! Что с Мишей?!.

– Успокойтесь, Мария Сергеевна, ничего пока не случилось. Во всяком случае, я об этом пока не знаю.

– Что?!.

– Успокойтесь, я прошу вас! Вы будете меня слушать?

– Да!.. Да, я слушаю! Что произошло?

– Михаил Михайлович ведь вчера улетел?

– Да, только вчера!

– Вы попрощались?

– Да, а почему вы...

Голос в трубке уже изменился: из спокойно-участливого он стал надменным.

– Не перебивайте меня. Просто отвечайте, когда вас спрашивают. Вы в курсе, что с точки зрения международного права ваш муж является военным преступником?

– Что?!.

На этот раз спросивший не оборвал начавшую всхлипывать, но не бросившую трубку женщину.

– Объясняю. Подполковник Михаил Михайлович Петров, занимающий должность заместителя командира 1-го бомбардировочного инструкторского авиаполка, окончил Краснодарское ВВАУЛ сами знаете в каком году. Советская армия объявлена преступной организацией. Соответственно, все офицеры Советской армии рассматриваются теперь как военные преступники, ваш муж не исключение. У вас с подполковником Петровым двое детей и вы живете вместе уже сколько лет, двадцать пять?

– Да, двадцать пять в этом году...

– Бросьте рыдать! Слушайте внимательно или записывайте, если хотите. Двадцать пять лет – большой срок, поэтому он вам позвонит обязательно, как только найдет для этого возможность. Вот тогда передадите ему: его будут судить. Причем просто и прямо, потому что и сама ситуация проста и очевидна и не требует каких-то юридических занудств. Он сгниет в лагере, если не сделает, как я сейчас скажу. У него есть шанс получить иммунитет, так называемый «вэйвер», и не подпасть под эту статью. Все подпадут, а он нет, ясно вам это? Если да, то запоминайте или записывайте, как я и сказал...

– Кто вы такой?..

– Заткнись, сука советская! Тебе тоже есть что припомнить! Хочешь, чтобы он в лагере умер? Чтобы его забили насмерть? Военные преступники получают по полной, тут тебе не Красный Крест! Раньше надо было рыдать, когда выходила за военного! Ты слышишь меня?

– Я слышу.

Голос женщины тоже изменился – она явно взяла себя в руки.

– Тогда вот что...

– Не «вот что».

– Что? Связь чертова... Петров должен отойти в сторону. Просто отойти. Если хочет, обострение язвы может сыграть, это ничего ему не стоит. Уже за одно это его случай может рассматриваться особо, не в общем порядке. Если же он оставит на земле полк, каким бы способом он этого ни добился...

– Хрен тебе.

– Что-что?

– Хрен тебе, падаль. Не будет тебе никакого Миши. Ты знаешь, на чем он летает, а?

– Ты что, с ума сошла, Машенька? От горя и страха, а? Забыла, как голосила, когда я его имя назвал минуту назад? Ты кем себя возомнила, сучка? Ты понимаешь, что с вами будет: с ним, с тобой, с девками?..

– Я никем себя не возомнила. Я жена подполковника Петрова. А таких, как ты, еще будут вешать по площадям. Как до 60-х вешали в том Советском Союзе, от которого тебя корежит до сих пор. Мой муж и его ребята вам всем еще покажут, а коли его собьют, так он как мужик умрет, а не как собака брехливая.

– Вот сейчас вышибем тебе двери, сука, – запоешь у нас, – прошипел уже почти неузнаваемый голос в трубке.

– Приходи, не пожалеешь.

Она нажала кнопку, разорвав соединение. Боясь, что сорвется, заплачет снова. Вышла в соседнюю комнату. Младшая дочка сидела на кровати, молча и тихо, как мышка. Огромные карие глаза, не мигая, смотрели на мать с бледного лица. Она была старшекурсницей химфака «большого университета», умная, спортивная и веселая девушка, но сейчас она прижимала к себе старого плюшевого кота, зарываясь в пыльную ткань подбородком и глубоко и мерно дыша. Это напугало женщину больше, чем исчезнувший за спиной чужой голос.

– Все слышала? – негромко спросила она.

– Только то, что ты отвечала.

– С отцом все в порядке пока, я уверена. Но какая же гнида... Ведь наш же, русский... Не откуда-то звонил, изнутри. И год выпуска знает, и год свадьбы... Сколько же они готовили это, а?

Не добившись от дочки никакой реакции и решив еще минуточку подождать, она вышла из комнаты в прихожую, на цыпочках подошла к двери и передвинула «собачку» замка вниз, на блокиратор. Потом пошла обратно в гостиную и залезла с ногами на диван, дотянувшись до висевшего на самом верху настенного ковра ножа в ножнах. Даже не ножа, а настоящего кинжала с Кавказа. Муж любил рассказывать гостям, что это военный трофей с 2008 года, но это было простительным мелким враньем – он сам купил этот кинжал еще в 90-х. Обычная тури-

стическая поделка, украшение, но не дешевка. И с длинным острым лезвием. Она не верила в угрозы позвонившего ей издалека врага, но береженного Бог бережет.

Снова вернулась в комнату дочери, тихо присела рядом, покосившись на затертую еще в детстве игрушку: кота серого цвета, в рубашечке и галстуке. Оказывается, дочка его не выкинула, прятала где-то.

– Что думаешь делать?

– Не знаю, – глухо ответила дочка. – Просто не знаю. Если бы в медицинский тогда поступила, было бы ясно. А так... Химик-технолог текстильной промышленности... Краски... Кому это нужно будет теперь?

– Ты думаешь, всей нашей жизни конец? – также негромко спросила мать.

– Думаю, что да. Что он обещал, этот человек?..

– Я и не спросила. Да только и догадаться можно. Освобождение от объявления военным преступником. Доллары. Жизнь.

Дочь усмехнулась с такой мимикой, которая подошла бы взрослой женщине, не девушке.

– Отец бы еще веселее ему ответил. Но и ты молодец.

– Было бы чем гордиться, – вздохнула женщина. – Чтоб он их там всех, сволочей, к ногтю прижал... А сам живой остался...

– Нет шансов, мама. Всех собьют, и папу собьют. Нас в сарай загонят, бензином обольют...

– Ты что такое говоришь, доча? – в ужасе спросила мать, развернувшись к дочке всем телом, обняв ее большими руками вместе с ее котом. – Ты что? Может, обойдется еще! Папа у нас не такой, чтобы дать себя голыми руками взять. Он знаешь у нас какой?.. И какой сарай, с чего это тебе в голову пришло?

– Не голыми руками, мама. Не голыми... А будет все равно так, я знаю. Чувствую.

– Так же, как что? – уже шепотом спросила она.

– Так же, как тогда, при дедах Вите и Вале. Только одновременно будет много разговоров о том, как ценны права человека и демократические свободы. А так все то же. И сараи, и концлагеря, и борьба с партизанами.

Последнее она произнесла чуть задумавшись. Мать ждала, пытаясь не спугнуть то, о чем сейчас думала повзрослевшая за два дня дочь, что бы это ни было.

– Мы не о том что-то. Не о женском. Продуктов где запасти? Себя как уберечь, когда придут?

Женщина вздрогнула. Про «придут» дочь точно не слышала, это было в словах человека на другом, далеком конце провода. Потом она поняла, что младшая имела в виду не квартиру, а их город, Петербург. Муж радовался, когда перевелся сюда с севера. Радовался самолетам, быстрым и тяжелым, как дикие звери. Радовался даже той южной войне, совсем уж нестрашной тогда для всех них: далекой, показываемой по телевизору. Радовался полетам, тому, ради чего учился и служил столько лет. Ему предлагали и Дмитриевку – в Оренбургской области, почти рядом с родителями, – но там была «база резерва», и это для него было неприемлемо, даже если не учитывать «почти столичный» статус Петербурга. Вот они и приехали, и он каждый день мотался в Лебяжье с их Парнаса через кронштадтскую дамбу. А теперь все пойдет под откос... Все, вся жизнь... Старшая дочка замужем довольно недалеко, в Москве, но это сейчас как другая планета. Электричек нет, и не скоро появятся снова: говорили, что контактная сеть на ключевых железных дорогах порвана в клочья. Дальние поезда почти не ходят, а бензин, говорят, стоит уже 20 долларов за литр, и его еще надо найти. Впрочем, что толку, если и водить она не умеет, хотя машина в семье есть, стоит в гараже. Старшая умеет, но она в Москве. А Москва в шестистах километрах – пешком не дойдешь. Господи, что же будет теперь со всеми ними? Что будет с Мишей, который летит сейчас, наверное, где-то высоко в небе, ищет радаром вражеские танки, идущие к Петербургу и Москве... Он говорил, в настоящую войну их будут из всех

сил беречь, но где они, эти силы? В Санкт-Петербурге уже четырежды объявляли «воздушную тревогу», и это было странно и ненормально. Ревели сирены уличного оповещения, давали гудки фабрики. И где-то вдали, и рядом, в их промзоне, но все равно никто не знал, что делать. До метро от их нового дома было все же далеко, а рядом нигде не было никаких бомбоубежищ, и, главное, не звучало никаких разъяснений. Она сунулась вместе с дочкой в здоровенный дом, старше других по постройке, про который помнила, что видела полустертую красную надпись «Убежище» над входом в подвал. Но там оказалось пусто и грязно, двойная овальная дверь отсутствовала, зияя черным проемом, внутренняя была заменена на обитую жестью квадратную, сорванную с одной петли, – вероятно, недавно. Она посветила экранчиком сотового через кривой треугольник проема: там было темно, никого и ничего, только пахло мышами и старой мочой. На выходе они столкнулись с несколькими другими такими же дурами. Одна держала на руках двухлетнего ребенка в теплом комбинезоне, и Мария навсегда, наверное, запомнила его лицо: испуганное, недоумевающее... Если не считать метро, где в городе остались бомбоубежища? Где они не превращены в склады товара, во что-то еще? Да и ладно товар, его выкинуть недолго, но нормальное убежище требует оборудования: системы очистки воздуха, канализация, водопровод, связь, что-то еще... Надо же... Это только последние 10 лет она работала бухгалтером, а раньше была мастером на заводе, там это обязательно контролировалось, преподавалось, и что-то она, оказывается, даже еще помнила.

– Мам, – прервала ее раздумья дочь. – Я, наверное, в военкомат пойду.

– Что? – не поняла она. – Зачем?

– Ну, может, они знают, что делать. Мне 22 года, я спортсменка. Может, на курсы какие-нибудь направят.

– Ты пловчиха, а не стрелок или борец... Что за ерунда? Какой тебе еще военкомат?

– Ну и что, что пловчиха. Химики никому не нужны будут... Да и курсы тоже не нужны, наверное: нет у нас этих месяцев... Но хоть что-то.

Мария помолчала, обдумывая варианты. Дочь она знала, у младшей в характере было многое от отца, этого не отнимешь. В старые времена такая могла бы и в отряд космонавтов метить, но теперь времена были другие, теперь девочкам с сильным характером была прямая дорога в управление персоналом. Или замуж за директора завода. Как, впрочем, было всегда.

– А знаешь, сходи. Может, там что подскажут, и вообще...

Она провела в воздухе рукой, не зная, что сказать. Было бы странно, если бы в военкомате разъясняли, где людям брать хлеб, когда не работает ни один магазин. Или что делать, когда каждое прорезающееся в телеэкране лицо является таким фальшиво-мужественным, что замирает сердце. Еда в доме пока была: и макароны в шкафу, и рыбные консервы, остающиеся от пайка мужа – они уходили только на праздничные салаты и летом в походах. Как дочери выросли, в походы они ходили ежегодно. Дачи у них не было – мужа могли перевести из Лебяжьего куда угодно, вплоть до Дальнего Востока. Боевых самолетов у России оставалось так мало, что за настоящую командную должность, за право летать старшие офицеры интриговали и ссорились. Господи, жив ли еще Миша, кинут ли в бой его инструкторский полк? Ох, не на месте сердце, чувствует беду... Для всех беду, не для них одних...

Она сидела, глядя, как быстро и деловито собирается дочка. Теплое белье надела – на улице холод. Спортсменка, фигурка на загляденье: такой что любить, что рожать самое время. Пусть узнает что-нибудь в военкомате, да пусть и на курсы запишется, какие бы они ни были. Если они есть. Медсестер готовят по три года, кажется. После «полного среднего» – по два года. В войну – пусть месяцы. Но младшая дочь права: у них может не быть даже месяцев. Весь мир на них ополчился, армию сожрут за считанные дни, хорошо если за недели. Потом перебыт всю эту молодежь, которая уже побежала и еще побежит в военкомат, самых золотых, самых лучших. И останутся вокруг только те, кто не побежал. И кто дождется своего времени и спокойно пойдет записываться в полицию. Или куда-то еще, где можно будет получить паек

и жизнь в обмен на доносительство на своих бывших соседей или еще на что похуже... Можно не сомневаться: этот, позвонивший, был именно из таких, решивших все для себя заранее, выбравших сторону без колебаний. Что делать, если он придет, как сказал? Взять в руки вдобавок к сувенирному кинжалу с Кавказа еще и сковородку? Колотушку для мяса?

А может, все-таки остановить, не пустить дочь никуда? Та уже стояла в дверях с небольшой сумкой в руках. Вернулась к своему столу, сунула в сумку несколько шариковых ручек. Правильно.

- Мам, я пошла.
- В какой пойдешь? На Сампсониевский?
- Да.
- Метро?
- Конечно. Как же еще теперь.

Оставалось только кивнуть. Автобусы и маршрутки не ходили с утра совсем – все топливо резервировалось для вооруженных сил, да и часть транспорта тоже. А электротранспорт ходил кое-как, потому что электричество давали с перебоями. Она продолжала выставлять время на часах микроволновки после каждого отключения, но просто из упрямства, чтобы хотя бы что-то выглядело «как раньше».

- Осторожнее по пути. Слушай, а знаешь, давай я тебя провожу?

Дочь помотала головой, но потом остановилась и кивнула.

- А давай, мама. Посмотрим, может, и по дороге чего увидим. Сумку и деньги возьми.

Мария быстро собралась, оделась потеплее и поглядела в глазок, прежде чем зазвенеть замками. Спустились они по лестнице: нельзя было предугадать, когда электричество пропадет в следующий раз и будет ли дежурить какой-нибудь техник в лифтовой аварийной службе – вытаскивать застрявших людей. У них был пятый этаж, они не развалятся ходить пешком ни вверх, ни вниз – а каково тем, кто на десятом или самом верхнем? Особенно людям постарше: старикам, старухам? Мамам с совсем маленькими детьми? Снова как будто обдало холодом изнутри, и она поплотнее завернулась в пальто. Новый дом, а стены на лестнице исписаны черным и синим поверх нежно-салатовой краски: про вечные проблемы дружбы и любви, так сказать, и, конечно, про «Зенит» и про СКА. Главное, что от армии у них осталось, по словам мужа: ЦСКА в Москве да СКА в Питере...

- Мам, глянь.

Почти вплотную к их подъезду стояла небольшая толпа, из окна это место не просматривалось. Человек двадцать женщин разного возраста, трое или четверо мужчин, при взгляде на которых сразу вспоминалось слово «плюгавый» или даже «плюгавенький». И поп. В рясе, с крупным бронзовым крестом на груди, в головном уборе, названия которого она не знала. Поп вещал, иначе не скажешь. Голос у него поставлен был отлично и раскатывался на всю округу. Звучало что-то про «христианское милосердие», «всепрощение» и «покаяться за грехи наши». Дочь потянула за руку, но Мария двинулась к толпе, как притягиваемая магнитом. По дороге она все ускоряла шаг, и слова священника становились все отчетливее.

– ...Подумайте, за что ниспослал нам Бог это испытание? За грехи? За гордыню? Каждый для себя должен решить, и каждый должен покаяться: за свои грехи и за общие, за свою гордыню, и...

Не задержавшись ни на секунду, она прошла сквозь шепчущую, кивающую, вздыхающую толпу, как ледокол, уверенно расталкивая женщин и мужчин в стороны.

– И когда придет час испытания, мы должны, покаившись, смиренно принять, что уготовил нам Господь. Ибо, уверовав, но не покаившись...

Она влепила в подбородок священника с правой, как делала в молодости. Волейбол и ручной мяч – в ее время игру то называли «гандболом», то переставали – хорошо закалили

руку. Бить со всей силы Марии в жизни приходилось, и годы материнства и мирной работы не заставили ее позабыть, как для этого фокусироваться, какие мышцы включать в удар.

Люди ахнули. Нокаут. С одного прямого. Кто бы мог подумать. А ведь роста священник был довольно высокого и не так уж хил на вид.

Мария обвела оцепеневшую толпу таким взглядом, что люди попятились. Дочь встала слева, и даже боковым зрением она почувствовала ее ухмылку.

– Что, куры, заслушались? Милосердия вам захотелось? Каялись мало в жизни?

– Да что же...

– Заткнись, – посоветовала дочь шагнувшей вперед немолодой женщине, и тон у нее вышел такой, что та осеклась и остановилась на полушаге.

– Мой муж улетел вчера драться. Он офицер, летчик. И он с ребятами сию самую минуту, наверное, показывает и «всепрощение», и «милосердие», и все остальное, что только успевают на его самолет навесить между вылетами. Моя младшая дочь идет в военкомат – так сделала моя мама, когда немцы в 41-м пришли. Простить их надо было, и покаяться, и «принять смиренно»?.. Этих теперь надо «простить»? Да вы здесь что, с глузду съехали, люди?!

Их новый дом был «военным», по крайней мере четверть квартир в нем выдавали при заселении через сертификаты Министерства обороны по какой-то из президентских программ. И хотя часть квартир немедленно ушла «по обмену» в другие руки, Мария была уверена, что в толпе есть хоть несколько офицерских жен. Поэтому реакция людей ее потрясла. Толпа разом качнулась вперед: голоса, причитая, отталкивая их, поднимая и отряхивая уже приходящего в себя священника, подавая ему его шапку, поправляя длинные рукава черной рясы. Проклятия выкрикивались так густо и с такой яростью, что Мария с дочкой отступили перед ними, а не перед тычками.

– Мама, – хрипло сказала дочь под руку, когда она, напуганная, но окончательно уже разъярившись, выдала особо близко пришедшейся тетке «прямой с левой». Удар вышел точно в нос, брызнула кровь. Тетка скосила глаза вовнутрь, как показывают в дешевых комедиях, и завывала, перекрыв на секунду даже всех остальных.

– Бйех, – выдохнула Мария, занося руку снова: висящие на ней гроздью сумки совершенно ей не мешали. Выражение на ее лице купило им метра полтора свободного пространства, но пятиться дальше было некуда, их прижали к ограде детской площадки. Священник что-то декламировал на заднем плане: в этот раз она не поняла ни слова. Было понятно, что сейчас их с дочкой будут убивать. Это было глупо, но почему-то совершенно не пугало.

– Бабы! – раздалось сзади. – А чегой-то вы?!

Голос был издевательски сильным, и все обернулись на него сразу. Среди чужих голов, серых и бурых курток Мария разглядела спросившего: мужик лет сорока, в черной шапке и широкоплечий. Незнакомый, конечно же, но с чем-то привычным в голосе.

Несколько женщин бросились к нему, объясняя. Снова загудел священник. Мария ждала. Отпустить дочку ей в голову не пришло, хотя как раз сейчас та могла бы уйти. Уж как будет, так будет.

– Ага, – сказал мужчина. – А ты чего?

Вставший перед ним мужичок затряс пальцем на вытянутой вверх руке, и он тоже вытянул руку, только не вверх, а вперед, отстраняя того, трясущегося, со своего пути.

– Милосердие – это высочайшее, самое благородное чувство, достойнейшее из всех, – произнес значительным голосом священник в лицо подошедшего к нему мужчины. Хотя женщины с боков продолжали наперебой объяснять ему произошедшее, будто милиционеру, эти слова прозвучали совершенно отчетливо.

– Ага, – снова сказал этот мужчина, и его лицо вдруг сделалось хитрым. Одним мгновенным круговым движением на лету сложившейся в кулак правой кисти он вбил попу его шапку в голову, будто заколотил невидимый кол в землю. Наступила тишина, снова такая же, как две

минуты назад, и Марии стало весело. Это был свой – незнакомый, но явно имеющий те же повадки, что муж и его друзья, разве что чуть помладше.

Поп рухнул на землю со стуком. Второй раз за пять минут. Толпа, обалдев уже окончательно, разделилась на двадцать с лишним отдельных лиц: кто-то оборачивался на Марию и ее дочку, кто-то продолжал пялиться на мужика, кто-то на попа, все переводили взгляды во все три стороны и друг на друга, но уже никто не голосил.

– Слушаем меня внимательно, граждане, – спокойно произнес мужчина. – Сейчас мы разделимся на две группы. Или нет, даже на три. Первая становится вот сюда. Это те, кто направлялся в сторону райвоенкомата или на городской сборный пункт на Загородном и остановился буквально на минуточку послушать. Вторая – вот сюда. Это пусть будут те, кто уже определился для себя, что выгоднее всего стать полицейским, потому что паек и форма. Сюда же те, кто в полицию не годится по полу и возрасту, но готов предложить услуги оккупационной администрации: типа выписывать каллиграфическим почерком списки людей, которые не любили чеченцев и теперь подлежат за это расстрелу, ну, и так далее. Те дамочки, кто уже готовится орально ублажать охрану концлагерей с партизанами за тарелку баланды, тоже сюда, не задерживаемся!

Мужчина обвел людей ставшим железным взглядом: оцепеневшие женщины слушали его, не шевелясь и почти не дыша. Марии было весело: и она чувствовала, что дочке тоже. Это был как минимум подполковник, причем «старой школы». И настолько похожий интонациями на мужа, что это было даже удивительно. Почти наверняка летчик, хотя совершенно необязательно пилот самолета.

– И третья группа – кто будет сидеть в сторонке и молиться. И каждый раз, когда полиция будут волоочь партизан на Дворцовую площадь с уже подписанными табличками на груди, – вздыхать и креститься. Ну?

Не опуская взгляд, вслепую он коротко ткнул ногой, и лежащий человек качнулся. В этот раз он явно вырубился на более долгий срок, чем после ее первого удара.

После этого люди начали очень тихо расходиться в стороны, оглядываясь со страхом и каким-то недоумением на лицах. Остались Мария с дочерью, и одна женщина в серой куртке и с серым незаметным лицом. Дочка подбоченилась, на ее лице была улыбка, и Мария вдруг совершенно четко поняла, о чем именно та думает. О женском, о чем же еще. Надо же.

– Ну? – спросил мужчина.

– Я бывшая медсестра, – негромко сказала женщина. – Даже старшая медсестра. Но я лет десять уже в торговле, действующего сертификата нет. Куда мне?

Мужчина запнулся, но буквально на секунду.

– Я понятия не имею, – честно сказал он, – но отдел кадров ВМА¹ – это наверняка хороший выбор. Они сейчас главными будут, повезло городу.

Мария горько покачала головой: знаменитую военно-медицинскую академию закрывали уже несколько лет, с шумом и скандалом, изо всех сил. И наверняка это было звеном все того же самого плана, той же идеи, которая вылилась сейчас во все это. На что тут можно надеяться, на какое чудо?

Она поглядела на едва приоткрывшего глаза священника, с недоумением ощупывающего свое лицо рукой, и снова подняла взгляд. Мимо быстро прошагал какой-то человек, оглядел на ходу их странную группу, но прошел не остановившись.

– А я – младшая дочь подполковника Петрова, летчика, – сказала сбоку дочка. – А это моя мама. Я еду в военкомат на Большой Сампсониевский, а мама меня провожает.

– А папа где? – абсолютно тем же тоном спросил мужчина, и Марию это неприятно кольнуло. Впервые за многие минуты вспомнился мерзкий звонок.

¹ Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова.

– Папа воюет, – очень спокойно ответила дочка почти детским голосом. – А вы кто?

– Я майор внутренних войск, всего лишь. В отставке уже много лет. Зовут Леонид. Иду сразу в городской военный комиссариат, на Английский проспект. Соответственно, тоже на метро. Топаем?

Не получив ответа за первую секунду, он наклонился к лежащему без движения священнику и сказал ему несколько слов тихо, но таким свистящим шепотом, что каждое было слышно. Она разобрала каждое из них, но ни одно до нее не дошло: слишком ненормальным, пугающим было сказанное. Ярость давно прошла, и теперь Мария испытывала слабость, больше ничего. Ей никуда не хотелось идти, скорее, присесть или прилечь и чтобы не видеть и не слышать ничего. Но не выходило.

Они пошли все вместе, огибая огромную стройку по промерзшей тропинке между двумя строительными отвалами.

– Я разведенный давно, – объяснил мужчина, хотя его никто не спрашивал. – Ребенок почти взрослый, с женой. Фирма йогурты и творожные сырки из Эстонии поставляет. Ага, будут нам сейчас творожные сырки! А я реально лучшие годы жизни в армии провел. В общем, позвонил директору, позвонил сыну и бывшей своей, с ребятами поговорил, которые нормальные. Чего тянуть? Мне спокойно взвод можно давать.

– Майору – взвод?

Тот остановился, посмотрел на девочку.

– Ты точно сама не подполковник?

И Мария, и дочь улыбнулись. Мужик после секундной паузы тоже улыбнулся и тут же двинулся дальше. Только оглянулся на держащуюся в нескольких метрах позади, отдельно от них, женщину с неподвижным лицом.

– Роту много. Я и не воевал-то, а охраной занимался. И там, и здесь, в своей конторе. Но что умею, то умею.

– Нам час назад очень странный звонок был, – вдруг сказала Мария, повинуясь какому-то неожиданному внутреннему толчку. – Позвонил странный такой... Вражина, в общем. Сначала вежливо, а потом вопить и плевать начал. Сказал, что если мужа поймают, то будут судить как военного преступника. Я думаю: «А что он сделал-то?» – а он говорит, что так будут судить всех, кто окончил военные училища в советское время, причем судить сами и как захотят. Если они, мол, не сдадутся и не будут делать, как им приказывают.

– Ага, – снова сказал мужик, который, видимо, любил это слово. – И что?

– Да ничего, – вздохнула Мария. – Мой муж не из тех, чтобы дать им...

– Я саратовское училище закончил, – не дал ей договорить майор. – Причем давно, успел еще настоящей стране послужить. А что по поводу звонков... Вот мне никто не звонил, но когда я в последний раз в Интернет пробился... захожу я в «Одноклассники», а там у меня штук пять незнакомых гостей...

Мария посмотрела на дочь вопросительно, но та кивнула, видимо, поняла сказанное.

– Причем с разными, но однотипными посланиями: и первая серия такая, что, мол: «Привет, давно не виделись? Как ты! Я беспокоюсь о тебе!» – и без имени-фамилии, главное. Только потом вместо рекламы спа-салонов или «электронных сигарет» идет информация о том, что если тебя или иного знакомого тебе старшего офицера интересует американское или европейское гражданство и куча бабла впридачу, то надо зайти на такие или сякие сайты и назваться. После чего сидеть и ждать, когда с тобой свяжутся.

– И что? – спросила в этот раз женщина, шедшая теперь за ними почти вплотную.

– А я знаю что? Можете себе представить, что сто тысяч старших офицеров, даже таких запасников, как я, сидят перед компьютерами и ждут, когда с ними свяжутся и отвалят вражеское гражданство и бабло? Вокруг рвутся ракеты, бомбы, кого-то оккупанты уже волокут вешать, кого-то пока еще только грабить и насиловать, а они все сидят, ждут... У компьютеров,

в «Одноклассниках». Нас за кого тут держат, за детишек? И вообще, почему мне это пришло? Как меня нашли, по аббревиатурам? Выпуски училища, годы службы? Я же всего-то майор был. Плюс даже не строевых частей.

– А вторые письма были о чем? – спросила на этот раз сама Мария.

– Вторые были еще веселее.

Они как раз проходили мимо небольшого киоска, на ее памяти уже трижды менявшего свое предназначение: то пиво-сигареты-чипсы, то ремонт обуви, а то снова пиво. Киоск выгорел, ветер намел внутрь снега, и тот перемешался с горелой фольгой и обрывками бумаги, как раньше бывало на пустырях после новогодних фейерверков.

– Вторые были типа: «Мой дорогой! Даже не думай лезть во все это! Сиди тихо, все будет нормально! Пускай идиоты лезут, если им жизнь недорога» – и подписи: «Лена из твоего класса», «Саша, сам знаешь какая». Какая Лена, какая Саша? У меня в классе всего пять девочек было, и из них три Вики, тогда такое время было.

– Я тоже Вика, – вставила дочка.

– Вот-вот, – непонятно почему согласился с этим майор. – Опять же, все, кроме совсем уж клинических идиотов, все поймут, конечно. Но намек ясен. На нервы намек, больше ни на что. Мол, мы знаем, кто ты такой и где сидишь. Вот и сиди, а не то будет бо-бо, ата-та и рэ-пэ-пэ...

– А рэ-пэ-пэ – это что? – спросила опять же Вика, и мать покосилась на нее с большим смыслом в глазах: дочка явно пыталась флиртовать с похожим на ее отца мужиком, старше ее на пятнадцать с лишним лет. Причем в обстановке, которую даже самый наивный человек не считал бы располагающей к романтическим намекам. Это было просто глупо. И опять же напоминало о том, что муж был где-то в небе, страшном, никогда не прощающем ошибок и тем более не прощающем их теперь, когда стреляют и жгут.

– Это я так сыну маленькому говорил, – объяснил майор, вздохнув. – А мне еще мой дед. Значит «ремнем по попе». Сыну всегда смешно было, когда так говорили... Ну что, пришли вроде?

Они действительно были у метро, пройдя громадный микрорайон насквозь. Здесь было далеко не «как обычно». Прежде всего бросалось в глаза отсутствие дежурящих маршруток и похожих на кирпичи автобусов, идущих в пригородные районы. Не работали стоящие здесь киоски, ни один; причем все были пустыми, выметенными до чистых полок. И было много людей, стоящих группками, переговаривающихся, ждущих чего-то.

– Доча, в магазин я так и не зашла посмотреть. Пойду теперь. А ты туда, и сразу назад, чтобы я не волновалась. И если будет связь, звони или СМС пришли. Поняла?

Дочь кивнула несколько раз подряд, и Мария увидела, что майор приостановился впереди и ждет ее. Ну и пускай. Тому куда-то на Английский проспект, ей ближе, разойдутся в метро. А бывшая медсестра уже ушла вперед, не дожидаясь остальных, хотя она и с самого начала была сама по себе. Быстро чмокнувшись, они расстались. Мария еще поглядела, как дочка спешит за майором и оба быстрым шагом идут к вестибюлю станции мимо групп непонятно чего ожидающих людей. Почему-то впервые подумалось о том, что свою фамилию мужчина им не назвал. Ну, да и ладно, мало ли в их жизни было прохожих без фамилий.

Вика пошла вперед, но метров за десять до дверей «Парнаса» их остановили. Это был обычный парный полицейский пост, но бросалась в глаза усталость полицейских. И еще их руки: красные от холода, но лежащие на автоматах, подвешенных у каждого на ремне за шею. Мужчина подал для проверки паспорт и военный билет, она сама протянула паспорт и студенческий, но его даже не взяли.

– Не дочка? – мрачно спросил один из полицейских, и она неожиданно смутилась, но тот и не стал дожидаться ответа, отдал документы и махнул рукой.

Прямо у дверей станции стоял еще один пост, на этот раз состоящий из трех полицейских, но второй проверки не было: бойцы ограничились тем, что проводили их внимательными взглядами. Внутри наземного вестибюля было уже «как обычно». В окошках продавали жетоны и клали рубли на магнитные карточки, висела разноцветная схема, у которой кто-то стоял. Вика обратила внимание на то, что работали даже терминалы, используемые для пополнения счетов сотовых телефонов, и несколько установленных здесь же разноцветных банкоматов. Или, во всяком случае, они были включены.

Поезда пришлось ждать дольше обычного, минут пятнадцать или чуть меньше. Поскольку станция была конечная, они с комфортом сели, и, пока метропоезд не тронулся, пресекая все разговоры, кроме самых интимных, она еще успела спросить:

– А откуда тот поп взялся, интересно? У нас же ни одной церкви рядом?

– Хрен его знает, – почти равнодушно сказал майор, который назвался именем Леонид. Интересно, что на еврея похож не был, хотя Вике казалось, что все Лёни должны быть именно евреями: чай, не в Греции живем, где царей так звали.

– Меня больше другое интересует. Почему Владимир Владимирович не запустил ракеты и вообще куда он делся, вместе сама знаешь с кем.

– А?

– Телевизор смотрели? Ты заметила, что про это так ничего и не сказали? Ни тебе «президент в Кремле заботится о нас», ни «главнокомандующий убыл в секретный подземный бункер и будет оттуда управлять войсками и вацще». Ничего такого. Сначала – полсуток мужественного лица и приведения нам примеров из богатой отечественной истории, а потом – сразу другие лица на экране. А красная кнопка не нажата, и главнокомандующего больше не показывают. С чего это, как ты думаешь?

– Да, появление попа-пропагандиста в этом контексте выглядит уже не интересно, – не могла не согласиться девушка. Поезд уже ехал, хотя и со скоростью, показавшейся ей меньшей, чем бывает обычно, и разговаривать приходилось, сблизившись головами.

– Леонид... Товарищ майор... А вы сами как думаете: удастся нам отбиться? Удержать их где-нибудь на полдороге, уступить что-нибудь, договориться как-то?

Тот не ответил, только некрасиво подвигал нижней губой. А переспрашивать она уже не стала – не дура.

Несмотря на длительные перерывы между поездами и почти полное отсутствие наземного транспорта, метро было полупустым. Более того, Вика не увидела ни одного пожилого или старого человека, по крайней мере в их вагоне. И ни одного ребенка. Она понятия не имела, работают ли школы, но очень сомневалась, что сейчас в классах комплект учителей и что нормальные родители отпустят туда детей. Вчерашняя стрельба по автобусам и троллейбусам запомнилась всем: это было утро, когда далеко не каждый осознал происходящее, но телевизоры еще работали почти бесперебойно. Было воскресенье, многие находились дома. И шел март: как раз тот месяц, когда лыжи и коньки в их краях уже хорошо пошли на спад, а до дачного сезона еще слишком далеко. Показанные смазанные картинки с десятками тел, лежащих в жестяных коробках со сплошь выбитыми стеклами, вопли раненых на носилках, короткие фразы растерянных свидетелей – это ударило по нервам людей как бы не сильнее, чем война, начавшаяся где-то там, на востоке и западе. На улицах Петербурга тоже убивали людей – рассказывали о сотнях. Говорили и о том, что из «мирной демонстрации», которую начали проводить перед Смольным аж в 10 часов утра, когда еще вообще никто ничего не понимал, тоже несколько раз выстрелили в здание. И в полицию, которая гнала потом демонстрантов метров шестьсот, пока окончательно не размазала их по асфальту. Это никто не снимал, а рассказы очевидцев, пущенные по радио, недорого стоят, но что говорили, то говорили.

И еще в вагоне не было ни одного военного. И никто не читал книги. Осознав это, Вика задумалась настолько глубоко, что едва не пропустила «Удельную», откуда, как она подумала,

было проще добраться до райвоенкомата Выборгского района, чем если еще час ехать в объезд на красную ветку с двумя пересадками. Наскоро попрощавшись с молчащим теперь майором, она выскочила из вагона в последнюю секунду перед закрытием дверей. Это привлекло внимание пары полицейских на почти пустой платформе, но те Вику не остановили, хотя их взгляды показались девушке неуютными. Подъем по эскалатору был обычным, никаких отличий от происходившего в ее жизни тысячу раз или больше. Она выросла не в этом городе, но университет был далеко от их спального района с огромными новыми домами, и ездить на метро ей приходилось много. На половине пути наверх под ложечкой вдруг начало неприятно колоть. Вика заерзала, расправляя куртку и одновременно внимательно разглядывая все вокруг. Людей на двух работающих эскалаторах – одном идущем вверх и одном вниз – было мало. По человеку на каждые ступенек двадцать или еще реже. И это понедельник, середина дня, когда всем надо куда-то ехать! Отлично ощущая что-то плохое в окружающем и борясь с желанием побежать по движущейся наверх лестнице то ли в одну, то ли в другую сторону, она попыталась успокоиться. Возможно, дело в том, что от «Удельной» до районной администрации идти придется долго, по холодку и с ежеминутным риском поймать себе на шею какое-нибудь приключение. В метро все-таки может быть чуть безопаснее, хотя, наверное, неспроста здесь так мало людей, если не считать полиции. Надо же, сколько уже времени прошло, а люди все еще сбиваются: то милицией их называют, то полицией; она не исключение. А теперь еще как-то иначе будет, наверное, как бы жизнь ни повернулась...

Додумать она не успела. Прямо впереди, за лентой закругляющихся вперед изрезанных желобками металлических ступенек, послышались громкие, отчаянные крики сразу нескольких людей и затем гулкие хлопки выстрелов. Они отражались от стен туннеля и уходили все ниже и ниже одновременно с тем, как эскалатор равнодушно продолжал поднимать ее вверх. К происходящему там страшному, не виданному ей еще никогда. Спасло Вику то, что она закричала от ужаса. Животный крик, выброшенный из ее горла каким-то детским инстинктом, помог, сбил оцепенение, дал выиграть секунду. Развернувшись на пятке, она бросилась вниз. Захлебываясь, торопясь, каждое мгновение ожидая того, что ноги подвернутся на едущей навстречу лестнице, она прокатится несколько ступенек, заклинит поперек и ее вынесет наверх. Под продолжающуюся стрельбу, под нечленораздельные вопли сразу нескольких людей, все продолжающиеся и продолжающиеся там.

Навстречу бежал милиционер. Тот самый, из глянувших на нее на платформе. Сжавшись в комок, ссутулившись, Вика проскочила мимо него, едва не потеряла двумя ступеньками ниже равновесие, но удержалась и продолжила бежать. Это было почти бесполезно, потому что все ее усилия, все рывки вперед позволяли едва удерживать свое место между двумя едущими навстречу лампами, одними и теми же. Еще сколько-то секунд, и начнет сказываться усталость, подхлестываемая стучащим в затылок страхом. Но обернуться на то, что может поглядеть на нее сверху, было еще страшнее, поэтому она продолжала бежать, уже не тратя сил на крик, уже почти ничего не соображая. Пробежавшего навстречу второго милиционера она уже не заметила, и тот почти сбил ее с ног. Потом лестница неожиданно остановилась, и инерцией ее тут же сшибло вниз. Ступеньки больно ударили по рукам, но лицо удалось защитить. Стараясь изо всех сил, Вика извернулась в проеме между двумя стенками, вытянув вверх сначала одну ногу, затем другую и от этого чуть не упала. Наверху звучали голоса, но криков стало меньше, а выстрелов уже не было слышно. Странно, дочь офицера, она никогда не видела и не слышала, как стреляют. Но все равно это больше не могло быть ничем другим. Она попыталась скулить, но вышло плохо: стыдно и неубедительно. Не отрывая взгляда от закругления остановившегося эскалатора наверху, Вика сначала приподнялась на корточки, затем уперлась в острые грани очередной ступеньки коленом. По одной она начала нащупывать ступеньки ногой. Выиграв несколько штук, она осмелела и решилась высунуться, чтобы оглядеться по сторонам. На встречном эскалаторе двумя десятками метров вниз, наискосок через всю наклонную

шахту, она заметила одну осторожно приподнявшуюся голову, и это было все. Все остальные, видимо, продолжали тихонечко лежать. На ее собственном эскалаторе вдалеке внизу виднелся торопливодвигающийся мужчина в развевающемся пальто, держащийся на бегу сразу за обе ленты перил. Это время не терял. Сообразив, что такое решение самое верное, Вика побежала за ним – сначала довольно ровно, а потом все быстрее и быстрее, пока ветер не начал свистеть в ушах. Гонка по неподвижной лестнице заняла несколько минут, не дольше чем обычно. А внизу, едва выбежав на вползающее на платформу закругление, она остановилась. Вдалеке, на другом конце платформы, к торцевой ее стене бежало несколько человек. А сидящая обычно в «стаканчике» своей будки дежурная стояла сейчас рядом, держа трубку местного телефона с невиданным лет сто витым шнуром, вытянув руку вправо. Ее лицо было бледно-бледно-желтым в свете ярких ламп, как подкисшее летом молоко.

– Что там? – хрипло выдохнула Вика, упершись правой рукой себе в грудь, пытаясь отдышаться. Толку от этого не было никакого, и она прошла оставшиеся метры по пологим здесь ступенькам, остановившись рядом с немолодой дежурной и взглянув туда же, куда смотрела она.

Рядом они простояли минуты две, за это время ни одна не произнесла ни слова. Звуки сюда сверху не доносились: наоборот, стал слышен гул приближающегося поезда. Девушка отступила на несколько метров вбок, под покрытие свода короткого туннеля, уже мраморного, ведущего к платформе. Так ей показалось более безопасно. Потом она отвела взгляд от неподвижной, молчаливой, как статуя, дежурной у своей будки и поглядела на платформу. Поезд шел от «Парнаса», то есть двигался от ее дома дальше по той же ветке, и это оказалось решающим. Будь он в другую сторону, и она бы, наверное, поехала бы домой, стараясь позабыть что-то, только что произошедшее, неизвестное и от этого только более жуткое.

Когда Вика, продолжая оглядываться, вошла в раскрывшиеся двери второго вагона от головы состава, несколько человек посмотрели на нее с явным испугом. Что-то такое, наверное, было написано на ее лице. Но двери закрылись, поезд начал ускоряться, по платформе мелькнул еще один бегущий человек – почему-то не от эскалатора, а к нему, – и на этом все кончилось, они с воем нырнули в туннель. Вика перевела дух, покачала головой и едва не выругалась вслух. Могла бы и выругаться – никто бы не услышал. Или услышал, но и слова бы не сказал. Потому что это было мелочью по сравнению с происходившим снаружи, за контуром ярко освещенного вагона метро, несущегося по увешанным кабель-каналами туннелю. Под многометровой толщей гравия, глины, песка, невосковой воды и всего остального.

«Теперь до «Лесной» точно», – сказала она сама себе и поразились тому, что голос дрожал. Даже притом, что произнесла она эти слова мысленно. Взглянув же в темное окно на собственное отражение, Вика почти испугалась: на темном смазанном лице ее глаза сверкали, как у зверей в детских мультфильмах. Ей впервые захотелось заплакать от страха и обиды, но она все-таки сдержалась. Помогло то, что отец был где-то далеко, и, может быть, в эту самую секунду он вел в ставшем чужим небе свой бомбардировщик, увешанный ракетами и бомбами. Рвался к какому-нибудь мосту или шоссе – как долго они были для Вики ничем, неразличимыми черточками на неинтересной карте, – забитым, вражескими машинами и солдатами и спешащими сюда, чтобы убить ее и маму. И старшую сестру, и ее мужа, и их маленького ребенка, и всех соседей, кроме тех, кто будет к моменту их прибытия уже записывать фломастером номера на ладошках. В той очереди, о которой так доходчиво сказал майор Леонид: в полиции, охранять концлагерь.

Вика представила весь их огромный микрорайон, превращенный в концлагерь. Всех жителей их улицы с названием, которого она стеснялась в разговорах с друзьями, согнанных в одно место, за спирали режущей проволоки, под вышки. Почему-то в этой картинке, вставшей перед ее глазами, – на вышках, за пулеметами, или в стороне, удерживая рвущихся с поводков овчарок, были немцы. Потом она подумала, что да, могут быть и немцы. Только форма будет

не та, которую она себе представила. Что будут они делать с таким количеством людей? Поить качественным баварским пивом, сжигая перед этим громадный комплекс «Балтики», гордо торчащий посреди Викиного района, как Кремль посреди Москвы? Или не «сожгя»... а что? «Сжигя»? «Сжегчи»? Вика сморщилась, пробуя эти слова на вкус, и от этого ее наконец отпустило. Стало легче дышать, расползся густой комок внутри, между горлом и желудком. Они были уже на «Горьковской», – долго же это заняло. Никто на нее не смотрел, все были заняты собой, своими тихими разговорами или мыслями. И по-прежнему никто не открыл ни одной книги, ни одной газеты. Выходят ли еще газеты? Она не знала.

Из глубины памяти всплыло чужое, ненужное слово: «селекция». Что оно означает, она сначала не поняла. Потом в голову начали лезть ассоциации, и Вика изо всех сил попыталась вернуться к той игре, что помогла всего пару минут назад. «Сожгя», «сжигя», «сжегчи»... Учительница русского языка в школе поставила бы ей двойку, класс бы смеялся, и к ней прилипло бы прозвище, которое вспоминали бы потом долго, может быть, годы. Но она давно не училась в школе, где тебя хвалят за хорошие оценки, ругают за плохие, и от этого жизнь проста и понятна. Когда тебе не 22 года и у тебя есть паспорт с регистрацией «Санкт-Петербург, 4-й Верхний переулок, дом такой-то, корпус такой-то, и даже квартира», но штампа о регистрации брака нет, и штампа «военнообязанный» нет тоже, и нет записей о детях. Делает ли это тебя лишенным ответственности, свободным? Не обязанным ехать в военкомат?

Вика вполне понимала, что способна уговорить себя на что угодно. И вернуться домой, обнять маму и попробовать дойти пешком туда, куда метро не ходит, – по многокилометровой дамбе до того же Лебяжьего, где базировался отцовский «инструкторский» полк. Попроситься вовнутрь, в казарму или комнату отдыха «летно-инструкторского состава», и сидеть там с мамой тихо-тихо. Подъедая консервы, пока не вернется папа: усталый, измученный, с рукой на марлевой перевязи и звездой Героя под трехцветной колодкой на левой половине груди. Либо сделать на лице мужественное выражение, целеустремленно доехать до «Лесной» и пройти по улице, расталкивая толпу гневно-презрительным взглядом. Самой распахнуть дверь военкомата ногой, рассказать там о своих спортивных наградах и получить тяжелый автомат, непробиваемую каску, заранее вонючие сапоги – и со всем этим отправиться на Берлин и Прагу, как оба дедушки в свое время.

«Кругом война, а этот маленький. Над ним смеялись все врачи», – вдруг пропел кто-то в ее голове тонким детским голосом. То ли из второго класса, то ли даже из первого. Старая детская песня о трубаче: она не помнила ее, не вспоминала ни строчки уже полтора десятка лет. Откуда это вылезло? Из каких закопанных тайников памяти? И все ли с ней в порядке, с памятью? Произошедшее ее немного охладило. Станции проносились мимо, а Вика сидела в углу вагона, так и оставшегося полупустым. Благодаря какому-то порыву она не сошла на «Невском проспекте» для первой пересадки, а доехала до «Технологического института» и пересела на красную ветку здесь. В свое время она думала, не поступить ли именно в этот институт, но «большой университет» выглядел интереснее. Родителям она об этом не сказала, но в свое время одним из ключевых факторов выбора для нее оказалась не сила факультета, а наличие у СПбГУ шикарного спорткомплекса, даже со скалодромом. Был там один мальчик, который все время ходил в смешных футболках... Скалолазание она потом забросила, потому что поняла, что оно портит руки, причем не кисти или суставы, а именно плечи. Оставила только бассейн и шейпинг и не пожалела. До выпуска оставалось полгода, магистратуру Вика считала потерей времени и четко знала, что даже если отца переведут куда-то еще, то уже не пропадет. Сможет удачно, как старшая сестра, выйти замуж, причем по любви, а не за «кошелек» и тем более не за «папин кошелек». Сможет работать так, что родители не будут стесняться ее места работы. Сможет жить, как нормальный взрослый человек в нормальном городе, полном и работы, и праздника. А теперь все кувырком...

«Лесная» случилась как-то неожиданно, и Вика соскочила со своего уже нагретого сиденья в последний момент, как и полчаса назад, когда попрощалась с майором. А показалось, что год прошел. Что же все-таки там было, на той станции метро, на «Удельной»? Была там стрельба, крики, даже настоящие вопли многих людей, или это ей показалось? После детской песенки внутри своей головы Вика не удивилась бы и этому. Более того, поверить в такое ей было по-настоящему выгодно. Тогда сразу становилось почти нестрашно. «Наружный», общий страх никуда не делся, но мог уйти этот, конкретный. «Ничего не было, мне показалось. Просто «сбой программы» в мозгах, от стресса. От боязни за родителей, да и за себя. От дороги по ставшему опасным городу, от взглядов ставших опасными людей. А на самом деле ничего не было. Или просто милиция изловила человека без документов и с бутылками водки в руках, начала его хватать, а он громко орал и вырывался».

Вышла даже улыбка. Проговорить это получилось. Поверить – нет.

На заиндевевшей асфальтовой площадке перед «Лесной» была толпа человек в сорок. Большинство имело что-то неуловимо общее в выражениях лиц, и все молчали, слушая. Высокий офицер в пятнистой зеленой куртке, взобравшись на крепкий деревянный ящик, стоящий в центре круга людей, читал стихи:

...И свет, и мрак непролазный
Отныне в едином ряду.
Победа, вобравшая разом
И празднество, и беду.

В сверкающем сабельном взмахе
Взмывает салют в зенит...
За этот салют в атаке
В среду мой брат убит.

Она не услышала начала – слова пробились к ней через спины людей. Но они вдруг пронзили ее насквозь. Протиснувшись между плечами двух крепких ребят с круглыми рюкзаками за спиной, Вика подошла поближе. На улице было не слишком много машин, но звук их движения мешал, как не мешал фоновый звук обычного здесь потока в любой обычный день всего-то позавчера. Куртка была расстегнута, и неуместный под ней светлый шарф бился на ветру дугой, запахнутый вовнутрь только краем. Среди молчания ждущих людей, офицер стоял на своем ящике как странный, но при этом совершенно не вызывающий насмешки памятник. Полминуты молчания, и он начал снова:

Как старинные дублоны,
Как старинные дукаты,
Тускло светятся патроны
В магазине автомата.

Но не призрачное золото
В наших дисках, в наших лентах.
Для всамделишной расплаты
Эта звонкая монета.

Мы готовы без заминки,
Раскошелив магазины,
Рассыпать горстями ефимки,

Луидоры и цехины.

А как славно было б в книжку
Перенести сейчас парнишку,
Чтобы в сказочном сюжете
Промотать монеты эти!

Только я не юнга-мальчик
С Билли Бонсова корвета.
Мальчик-с-пальчик – автоматчик
Из реального сюжета.

Ждут сигнала батальоны
Для рывка в траншею вражью.
Тускло светятся патроны...
Мы готовы
к абордажу².

Офицер закончил и тут же соскочил с ящика. Лицо у него было совершенно неподвижное и бледное, как бумажный лист. Было поразительно, что он не произнес больше ни слова – этого не ждали. Люди расступились, потому что он пошел прямо на них. Вика смотрела на происходящее как будто сверху. После потрясших ее слов про абордаж она подумала, что это моряк, может быть, морской пехотинец, но тельняшки на нем видно не было, а полевую форму моряков она знала не очень хорошо. Зато погоны прочитала без труда – капитан. Если по-морскому, тогда капитан-лейтенант. Не оборачиваясь, он ушел с пятачка перед метро куда-то в сторону проспекта маршала Блюхера. Люди проводили его взглядами, и никто опять не произнес ни слова, пока он не пропал из виду, пройдя между пустыми, неживыми киосками.

– Ну, что скажешь? – спросил тогда один из тех двух крепких ребят, между которыми она встала. Вике показалось, что он спросил ее, но он обращался к своему товарищу, прямо через ее голову.

– А че тут, – буркнул тот. – Понимает мужик. Пошли, нам пора уже. Отсюда еще четверть часа топать.

Он перевел взгляд на Вику.

– А ты че вылупилась?

Три дня назад она бы опустила глаза, смолчала, и это почти наверняка не закончилось бы ничем плохим. Сейчас ее бес толкнул ответить.

– А ниче. Вы в военкомат или че?

Даже не закончив, она сама испугалась. Парень захлопнул рот, уже открытый было для новой грубости. Второй же фыркнул.

– Съел? – беззлобно спросил он товарища. – Давай двигать, не пялься. Оставь его, подруга. Он сам не свой, так в бой рвется.

Обойдя ее, они пошли в сторону, противоположную офицеру. Как раз туда, куда было нужно ей. Второй парень все оборачивался, но первый тянул его вперед, как муравей соломинку. Выждав с полминуты и переварив сиюминутные ощущения, Вика тронулась за ними. Голова кружилась. Последние несколько часов были настолько насыщены событиями, что могли дать фору нескольким годам студенческой жизни, со всеми их переживаниями, проблемами и эмоциями: от учебных до интимных включительно.

² Стихи Павла Булушева, «Салют» (окончание) и «Хочется романтики»; сборник «Слово о первом эшелоне».

Прохожих здесь было побольше, чем в их 4-м Верхнем переулке, но все же не слишком много, и Вика опасалась, что грубиян обернется в очередной раз и заметит ее, но все же шла за ними. Однако оба были явно сконцентрированы на своих мыслях и своих разговорах и не слишком глазели вокруг.

В подземном переходе она почти их догнала и тут же отстала снова, потому что на длинной лестнице вверх эти ребята прыгали даже не через две, а через три ступеньки. К слову, пустота и нежилой вид перехода ее уже не удивили. А удивило обилие милиции: на входе, в середине, на выходе. Причем милиционеры (которые полицейские) стояли и ходили парами, носили бронежилеты и держали укороченные автоматы или под рукой, или поперек груди. То ли этот подземный переход под Лесным проспектом сам по себе являлся таким уж стратегическим объектом, то ли влияла близость завода имени Климова, но это действительно впечатляло.

Наверху и милиции, и прохожих было меньше, причем как до поворота на Сампсониевский, так и на самом проспекте. И еще было ощутимо холоднее. Незаметно начал идти снег, и, хотя снежинки падали редко, а ветер был несильным, он налетал как-то хаотично, и отвернуть лицо не получалось. Через несколько минут глаза начали болеть, да и кожу начало пощипывать холодом. На ходу Вика попыталась покопаться в сумочке, где могла завалиться гигиеническая помада, но сразу найти ее не удалось, а останавливаться для тщательных поисков ей не захотелось. До комплекса зданий, принадлежащих администрации их огромного района, оставалось уже недолго. Эти сотни метров, два квартала, она прошла уже совсем быстрым шагом, держа буквально в десятке шагов от раскачивающихся спин тех же ребят. Спины – две темные куртки и рюкзаки – были перечеркнуты росчерками мечущихся снежинок, и это почему-то было неожиданно очень красиво. Совершенно привычно, но действительно красиво, без преувеличений.

– Ага, а вон и Винни, – сказал впереди тот парень, который был не грубияном, а нормальным. – Нас ждет.

– И теплый, – подтвердил второй. Тут он обернулся и посмотрел на Вику. – Давай, чего встала?

Она подошла еще ближе, на секунду растерявшись и не зная, что сказать.

– Тебе что, я так понравился?

– Не надейся.

Эти слова сказались сами, просто как автоматический ответ на стандартную вводную. Она сотни раз отвечала так на подобные вопросы, не задумываясь.

– Привет, Витя.

– Привет, ребят. Кто это с вами?

Здоровенный мужчина с распаренным лицом быстро и тяжело пожал обе протянутые ему парнями руки и обернулся к Вике, встав ровно между их плечами. Он действительно был чем-то неуловимо похож на только что вышедшего с тренировки медведя Винни Пуха. Причем с тренировки по смертоубийству – это чувствовалось, читалось в его серых глазах.

– Мы не знаем, Вить. Идет за нами с остановки. Сергей ей нахамил, но она бойкая девочка оказалась. Тоже в военкомат идет.

Мужик буркнул неразборчиво, его лицо на секунду сморщилось, потом стало прежним.

– Меня зовут Вика.

Как любой нормальный человек в таком возрасте, она не терпела слово «она» от незнакомцев. Надо было или уходить, или... Уходить было глупо, после такой-то дороги. А «сокращение дистанции» ничем ей не грозило. Здесь было безопасно, а пришедшие в военкомат после начала войны люди однозначно были «своими».

– Угу. А меня Леша.

Леша был высок, выше большинства ее знакомых. При этом у него было нормальное, не худое лицо, и вообще он производил впечатление уже взрослого, давно осознавшего себя человека. Надежного и правильного. Таких любят умные разведенные женщины, дети любого пола и возраста и, наверное, даже животные.

– А этого бойца Сергеем. Впрочем, ты уже слышала.

– Ребята, не нудите. Что, замену Маше ищите уже?

Большой мужчина по имени Витя и по прозвищу Винни снова поморщился, и Вика подумала, что, возможно, у него просто болит желудок – вряд ли она так сильно раздражает его сама по себе.

– Я не буду вам мешать, ребята. И ни на что не напрашиваюсь. У вас здесь свои дела, у меня свои.

Вышло это просто, без пафоса, и Вику это порадовало. Но про ее дела никто ее не спросил: двое встретившихся ей на «Лесной» ребят просто кивнули, а третий, старший, вообще даже не показал, что услышал.

– Ты дозволился ей?

– Кому?

– А то я не знаю, кому...

Немного обидевшись, Вика постаралась дальше не слушать. Свои имена, свои дела, свои разговоры – все чужие ей. Было бы странно, если бы было иначе. Постояв еще с полминуты на месте и слизав с губ несколько упавших последними и еще не целиком стаявших снежинок, она пошла за этой троицей. Туда же, к аллой табличке с металлическими буквами. Не удержалась, прочитала. Особо умилительным ей показалось «Обеденный перерыв 13.00–13.45», но и про «Прием посетителей» тоже было чудесно. И уже взявшись за дверную ручку, Вика вдруг сообразила, что она именно посетитель, а не призывник, как эти трое, но все же решила не останавливаться.

Внутри, за тяжелыми двойными дверями, было шумно и душно. И многолюдно. Ей смутно подумалось, что происходящее объясняет, из-за чего на улицах так мало людей, хотя это, разумеется, было глупостью. В пределах видимого ей коридора военкомата сидели и стояли человек сто, не меньше. Большинство были одето легко, а значит, находилось на том или ином этапе прохождения комиссии. Вика совершенно не была «гламурной кисой», провела половину осознанной жизни в военном городке с родителями и неплохо понимала смысл происходящего. То, что она на самом деле видела это «вживую» впервые, придавало теории живые краски: она решила, что зрелище более чем достойно внимательного изучения. Хлопающие двери, сквозняки, ругань и шепот. Завешанный куртками в четыре слоя на каждой вешалке гардероб, с распахнутой настежь дверью, как в школе. Парни такие и парни сякие: разного роста, разного цвета волос, очень многие уже остриженные. Культуристы, хилики, представители нескольких узнаваемых национальностей. Про одного стоящего близко крепыша она четко поняла, что тот бурят, а другой был так явно похож на классического японца, что Вика уверенно определила его как калмыка – других таких в России не водится.

– Цыпа, а ты к кому?

– К нам в команду давай, аля-улю!

Ближайшая группа парней улыбалась во всю Ивановскую: кто сладко, кто похабно. Махали руками, уступали место, кто-то сразу делал неприличные жесты. Фыркнув, Вика наконец тронулась с места, ее и так несколько раз задевали входящие в ту же двойную дверь люди, протискивающиеся с улицы. Приносящие собой струю кислорода, несколько реющих снежинок и вопрос в глазах. В дальнем от себя углу она увидела высокого военного в кителе и фуражке и направилась напрямик к нему, через присвистывание и причмокивание озабоченной молодежи. Да, здесь было не только душно, но и ощутимо пахло водкой. Со вчерашнего ребята начали готовиться к призывной комиссии, что ли?

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

Голоса чуть поутихли, а майор обернулся на нее и воззрился, как на привидение. Быстро осмотрел сверху вниз, но не раздевая, а глядя, как цыган на лошадь. И ведь не врач.

– Медсестра? – коротко спросил майор, и она даже не поняла сначала вопроса, но потом вспомнила бывшую старшую медсестру, топавшую с ними до «Парнаса», и тут же все стало на свои места.

– Никак нет, я непризывная. Но у меня отец офицер, я всю жизнь при ВВС. Хотела узнать, куда могу себя приложить.

Сзади кто-то сдавленным, хихикающим голосом предложил, куда именно, – и тут же послышался звук четкого, сильного удара и сразу за ним второго. Майор покосился вбок, сама же Вика заставила себя не обернуться.

Надо сказать, что на майора ее спокойный и деловой тон впечатление произвел. На тех призывников, лица которых она видела перед собой, тоже. Все за секунду стали выглядеть чуть более взрослыми, хотя и в целом здесь была далеко не одна молодежь. И явно «послестуденческого» возраста были некоторые ребята: и тридцатилетние, и постарше. В общем-то, тот Витя-Винни, с которым она разошлась на улице, тоже был из этой категории.

– Медперсонал и юристы – в 114-й кабинет. Другие пока не требуются.

– Я химик. Химик-технолог, выпускной курс.

– Ага... – Майор на несколько секунд задумался, явно что-то решая про себя. – 10-й отдельный батальон РХБЗ, Сертолово. Устроит?

Она не нашлась, что ответить, но майор торопился.

– Ну? Там учебка! Второй тебе вариант, это – БХВиС в Саперном. Что берешь, быстро? Или тогда давай отсюда, нечего тут!

– Я не знаю, что такое «Бэ-Хэ-ВиС», – пискнула Вика.

– Хим-мик... – фыркнул майор, оглядываясь по сторонам. Вика тоже огляделась: на них смотрели человек двадцать – и слева, и справа. – Значит «база хранения вооружения и средств». Нечего там делать. Ее развернут, раздергают по взводам в новые полки. А взвод – это огнеметчики, не твоя работа.

Сзади тоже фыркнули, почти бесшумно.

– В «учебку», – толкнул ее изнутри тот же самый бес, что и полчаса назад на улице, в полуминутном «разговоре» с потерявшимся уже куда-то высоким парнем. И тут же поняла: все. Минуту назад, даже секунды назад можно было сказать: «Ой, нет, мне не сюда. Меня мама прислала про папин паек спросить». Ее послали бы подальше и тут же забыли, а все эти парни пошли бы туда, куда ушел отец. На запад, на юг и на восток. Останавливать врага, который принес им много слов и много беды. Ложиться под огнем, лезть в самое пламя. Как папа.

Вика была самой нормальной девушкой. Она любила красиво одеться, хорошо потанцевать. Любила, чтобы ей завидовали, чтобы ею любовались. Отцу начали хорошо платить только несколько лет назад, когда он получил подполковника и командную должность, и Вика некоторое время с совершенно чистой совестью наверстывала упущенное. Ее не трогала «романтика» вооруженных сил и тем более войны: как дочь офицера и вообще далеко не дура, она отлично знала, что ни малейшей романтики в современной армии нет и быть не может. А долг есть. Как ни странно. Как ни учат нас столько лет совершенно другому.

– Уверена?

Майор продолжал тратить на нее время.

– Да.

– Тогда за мной. Так, молодежь! Че пялимся? Будущих начхимов не видали? Ну-ка быстро по лавкам, дорогу! В сторону, я сказал!

Шагал он огромными, уверенными шагами и вообще даже со спины не производил впечатления классического сотрудника военкомата – зажавшаяся харя, розовая от сала, с лосня-

щимися локтями кителя, и оттопыренными от взяток карманами, как он должен выглядеть по стереотипу. Высокий, быстрый, профессиональный. Да, офицер.

Внутри, за развилкой коридора было еще больше людей. Тысяча или почти тысяча. У одного из кабинетов с обычной белой дверью мужики и мальчишки стояли почти голыми: в одних трусах, несмотря на холод. Бросилось в глаза то, что очень многие были с крестиками на груди: на серых и белых веревочках, золотых и серебряных цепочках. Вика и не знала, что столько людей верует. «На дорожку», в университетский бассейн крестики не надевали, в мужскую раздевалку она, ясное дело, не ходила, а среди девочек-студенток их носили очень немногие.

– Так, тебе сюда, – гавкнул майор перед очередной дверью. – Документы с собой? Район Выборгский?

– Да.

Ей все еще не верилось, что это происходит с ней. Зоя Космодемьянская никогда не была кумиром Вики, но про Лилию Литвак отец рассказывал. И про Бершанскую, и еще про нескольких, кого он знал по именам. Она никогда даже не пыталась их запомнить, ей это было не слишком интересно, и слушала маленькая Вика рассказывающего отца только из вежливости, да еще от тепла, которое от него всегда исходило. А как будет с ней? Будет ли кто-то помнить ее имя? Друзья? Подруги? Мужчины, которые у нее были, пусть всего несколько?

– Не «да», а «так точно». Учетную карту призывника. Распечатать, взять в зубы – и на медкомиссию по потоку. Черт...

Высокий майор покрутил шеей, размышляя.

– Да, пусть так. Сначала здесь, потом комиссию, а потом снова ко мне. Я у кабинета дежурного и прямо там. Если меня нет, я его предупрежу.

Не спрашивать «где кабинет?» было правильным, иначе она упала бы в глазах этого человека. Наверняка он прямо рядом с гардеробом, ближе ко входу. А дежурный наверняка с двухцветной повязкой на рукаве и с кобурой на боку. Уж это она в жизни видала.

– Понятно. Спасибо.

– Не за что. Сюда без очереди. Ясно тут?

Несколько парней у двери, из самых молодых, покивали, что им ясно.

– Да черт, ладно уж.

Уже развернувшись было, майор вернулся на шаг обратно к двери, приоткрыл ее, что-то буркнул вовнутрь и тут же прикрыл тяжелую створку снова.

– Ты следующая, жди. Захочешь сбежать – никто не держит, свободна.

– Я не сбегу, – пообещала Вика и ему, и самой себе.

Не сказав больше ни слова, офицер ушел по коридору, провожаемый взглядами стоящих по обеим его сторонам призывников: это была почти как волна. Ждать пришлось довольно недолго, но и за это время она наслушалась всякого из ведущихся рядом разговоров. Почти треть из призывников были резервистами, уже отслужившими раньше, в том числе и по контракту. Среди прочих проходящих комиссию были офицеры запаса, самые разные: от связистов до саперов. К изумлению Вики, один из мужчин среднего возраста и довольно потертой внешности, с десятком лишних килограммов на боках и животе, был «штурманом вертолета» – она даже не знала, что существует такая специальность и что для нее офицеров запаса готовят военные кафедры гражданских вузов. Что летчики реактивных машин склонны к полноте, она прекрасно знала – отец был одним из немногих исключений в своем кругу. Но вертолетчик... Впрочем, сообразить, что у офицера запаса дело не в профессии, труда ей не составило: это она просто тупила. Еще ее удивило то, что довольно много было добровольцев, явившихся «по месту учета» без повесток и сразу попавших на комиссию. А потом дверь распахнулась, из нее целеустремленно вышагнул крупный парень в черной футболке без надписей и картинок, и она протиснулась вовнутрь буквально за секунду, пока не обогнали.

Внутри кабинет не очень-то соответствовал монументальности и тяжести двери. Это был скорее «пенал», чем комната, – всего с одним столом, тумбой, несколькими стульями и огромным шкафом в углу, который возвышался над всем остальным, как гора.

– Садитесь, – буркнула остановившейся Вике сидящая за компьютером женщина с погончиками сержанта на кителе. Плоский монитор современной модели скрывал ее лицо наполовину, и все равно было видно, что женщина некрасивая, усталая, но сосредоточенная и делающая дело.

– Документы кладите.

Вика выложила на стол то, что имелось: паспорт, студенческий билет университета, зачетную классификационную книжку со вписанными спортивными разрядами, ксерокопию документов отца. Отложив последнее в сторону, женщина, работая вслепую всеми пятью пальцами правой руки, вбила в какую-то открытую на своем экране форму имеющиеся сведения и только после этого начала спрашивать, совпадает ли адрес регистрации с адресом фактического проживания, телефоны, владение иностранными языками и так далее. Вопрос про судимость был смешным, но ее реакция сержанта не удивила совершенно: та была бесстрашна как сфинкс, только коротко и дробно стукали клавиши под пальцами. Времени это заняло немного.

– А много вообще девушек приходит? – рискнула спросить Вика в одну из пауз.

– Немало, – сухо ответила женщина. – Медики в основном. И почти сплошь средний персонал. Но еще из спортивных клубов идут. Биатлонистки, стрелки, ориентаторши, рукопашницы.

– Пловчих пока не было? – не удержалась все-таки она. Бесенок продолжал сидеть где-то внутри, перебивая своими репликами глушащий ее страх.

– Не было, – так же сухо согласилась сержант. – Но КМС и первый разряд парой – это хорошо, молодец. Называй близких родственников начиная с матери. Проживают совместно, проживают отдельно?

Паузы между двумя фразами сделано не было, изменения интонации тоже, и Вика чуть растерялась, но все же успела не дать повторить вопрос. Родители вместе, сестра отдельно, прочих близких родственников нет, так что и эта группа ответов была короткой.

– Так, все, на освидетельствование. Сейчас оно сокращенное: антропометрия и четыре специалиста, потом на итоговое заключение. У тебя проблем быть не должно. Профессионального психотбора нет, не до того. Все, свободна. Скажи, чтобы следующий зашел. Удачи.

Женщина впервые за все время подняла глаза и посмотрела на Викино лицо не вскользь, а прямо. Коротко и криво улыбнулась, моргнула. Ей было 40 лет, не меньше. Вот работа у человека – сидеть, печатать... Рядом с мужчинами, может, поэтому пошла? Впрочем, глупо как-то осуждать, у каждой свои шансы. Не все начинают жизнь с устроенного дома, небедного папы, хорошего образования и красивого лица, как у Вики. Не всем везет.

– Спасибо. И вам тоже.

Вика еще успела услышать, как женщина вздохнула. Ох да. Удача бы не помешала всем.

Снова коридор, многие десятки людей у каждой двери. Вскоре она поняла, что даже сокращенная комиссия займет для нее, как для девушки, вдвое дольше, чем для любого из парней. Экономить время на переодеваниях в ожидании своей очереди на пороге кабинета очередного специалиста не получалось. Однако после первых двух, отоларинголога (где раздеваться не требовалось) и хирурга (на которого она потратила минут сорок), она догадалась, что сделать. Закинув мешающую куртку поверх пяти сотен других на вешалку переполненного гардероба, Вика пошла искать тот самый 114-й кабинет, про который майор тогда сказал: «Медперсонал и юристы». У его дверей действительно стояли сразу пятеро женщин, и как раз в тот момент, когда она подошла, а остальные на нее посмотрели, из двери вышла шестая. Потом из нее же появился замученного вида капитан, оглядел всех семерых, быстро назначил одну из женщин старшей и указующе махнул рукой вдоль по коридору.

Женщина тут же гавкнула на остальных, и с этого момента все пошло гораздо быстрее. Рост, вес, размер обуви, размер противогаза, ЭКГ, анализ на группу крови и резус-фактор, флюорография... Интересно, что никакую распечатку для цифр и подписей ей прапорщик не дала – все данные вбивались медсестрами в каждом из кабинетов сразу в онлайн-форму, когда Вика называла свое имя и фамилию. Она подумала, что наверняка раньше было не так и что сложно иметь простые имя и фамилию, как, например, Петрова. Подумала, что можно, наверное, сдавать какие-то части осмотра друг за друга, но все пришедшие сюда – это либо не собирающиеся бегать от повесток люди, либо вообще добровольцы. Подумала, что в таких местах группу крови проверяют всегда и не поможет ни донорская книжка, будь она на руках, ни жетон. Но и думать тоже было особо некогда: во главе с крепко сбитой женщиной лет тридцати они теперь бегали по всем кабинетам вместе, распахивая мужчин и мальчишек. У терапевта та же женщина громогласно предложила своей команде не одеваться, а идти дальше прямо так. Причем начать с окулиста. Несколько человек даже засмеялись – все же какая-то буйная смешинка в воздухе витала, несмотря на серьезность происходящего. Кураж, присущий иногда людям перед большой бедой.

В кабинете терапевта ее впервые спросили про женские дела, при этом врач ограничился всего двумя вопросами: есть ли у нее проблемы со стороны половой сферы и были ли беременности. Врач был светловолосым и симпатичным парнем, немного похожим на американского актера Вэла Килмера, и на оба его вопроса Вика с гордостью и без смущения ответила «нет». Вообще осмотр терапевтом, которого она считала самым главным врачом, оказался коротким. Это заметила даже одна из проходящих комиссию женщин, довольно зло буркнув ему, уже одеваясь:

– На войне не болеют, ага.

Врач спокойно посмотрел на нее, помолчав с полминуты.

– Там и встретимся, скорее всего, – наконец заметил он. – Вы медсестра?

– Фельдшер.

– «Скорая помощь»?

– Да, выездная бригада.

– Какая подстанция?

– 17-я.

– А-а, у «Электросилы»...

Вика слушала, открыв рот: это был совершенно неведомый ей кусок жизни. Вспомнив, что время идет и скоро сюда, к терапевту зайдет следующая группа, она быстро натянула тонкий свитер и заправила его под пояс. Врач не выдержал, покосился, и она это заметила. Что ж, человека можно было понять: если целыми днями обстукивать и облуживать не желающих в армию 18-летних призывников, заскучаешь тут по приятному, успокаивающему мужские нервы зрелищу. Почти машинально поведя плечами и поправив джинсы, Вика мягко попрощалась и поспешила за остальными – она была уже последней в кабинете.

Выходя, она нос к носу столкнулась со здоровенным мужиком с плохо выбритыми щеками и подбородком, которому даже не пришло в голову посторониться и мимо которого пришлось протискиваться. Это совершенно сбило чуть наметившееся хорошее настроение. Вика отстала от команды медсестер и фельдшеров, но те уже закончили свое движение и снова собрались у 114-го кабинета. Почти рядом она услышала вроде бы знакомый голос, обернулась: да, та же троица: Винни, Леша и третий, имя которого она уже забыла. Они обсуждали какого-то Дока и то и дело качали головами.

– А, ты здесь уже?

В метре справа остановился на месте быстро шагавший по коридору куда-то мимо майор, знакомый ей с первых минут в военкомате.

– Все собралась?

- Да.
- Итоговое заключение получила уже?
- Не знаю...
- Ну, самый главный из врачей, бородатый такой, видела его?
- Нет, не видела пока.
- Тогда вперед хвостиком, за всеми.

Он ушел, не дожидаясь ее реакции, а Вика еще хлопала глазами. Время уходило, а она до сих пор так и не сообразила, а что такое вообще будет. Мама послала ее узнать про «что делать и как жить». Точнее, это она сама думала записаться, может быть, на какие-нибудь курсы, а мама старалась ее мягко и деликатно переориентировать.

«Итоговое заключение врача, руководящего работой по медицинскому освидетельствованию» оказалось полной ерундой. Проформой. Побегав по коридорам, Вика нашла женскую «команду», встала в конец немаленькой очереди. Послушала, что все неправильно, не как положено. Нет «карты медицинского освидетельствования гражданина», нет «личного дела призывника». Все ради скорости – военное время. Но и скорости тоже нет, а есть бардак. Могли бы еще проще: руки-ноги есть, зрение ничего – в окопы, Родину защищать. А здесь стараются и какие-то приличия соблюсти по старой памяти, и с диагнозами не напрягаются. Но в этой толпе, состоящей из многих сотен людей, не было ни одного, кто собирался «бегать от призыва», как это называлось устоявшимся словосочетанием.

Дождалась, за разговорами и задумчивым, оцепенелым молчанием. Зашла. В кабинете было несколько человек за столами, среди них бородатый немолодой мужчина в круглых очках, еще один мужчина, тоже в белом халате, и нормальная секретарша за компьютером.

Вика назвала свои имя и фамилию, как делала уже несколько раз за последние часы, те сверили с поднятой из местной сети формой дату ее рождения и адрес регистрации.

– Практически здорова, – деловито объявил «врач, руководящий работой». – Категория годности «А». Подлежит призыву на военную службу без ограничений по родам войск. Э-э-э... – Он покосился на Вику и поправился: – Хотя в данном случае не «подлежит», а «может быть призвана». Доброволец. Возражения есть, нет? Хорошо.

Из угла кабинета секретарь передала несколько скрепленных степлером листков, на которых тут же было поставлено две подписи: его и второго врача. Потом листки отправились в тот же угол, а ожидающая приглашения «подойти и расписаться» Вика получила указание отправиться к другому кабинету и ждать, пока вызовут. Немного растерявшись, она молча вышла.

– Ну? – спросил снаружи какой-то совершенно незнакомый парень, бритый наголо. – Чего сказали?

– Категория годности «А», – машинально ответила Вика.

– И это все?..

– Так, ко мне все! Все, кто с итоговым заключением! Слушаем свои фамилии и номера групп, сразу запоминаем!

Вышедший из двери одного из соседних кабинетов здоровенного телосложения офицер с пачкой листков в руках остановился посреди коридора, широко расставив ноги в черных ботинках. Вокруг него сразу образовалась толпа человек почти из ста, но голос у офицера был настолько хорошо поставленным, что без труда пробивался через весь гул.

– Группы с 48 по 52! Слушать всем, я сказал! Ааронов, 90-го года! 50-я группа! Абакин, 89-го, тоже 50-я... Абакумов... Авваков...

Фамилии, номера групп он называл четко, как диктор. Иногда звучали и имена, для самых простых фамилий. До буквы «П» было долго, и Вика слушала.

Балк... Богатов... Богатырев Иван Сергеевич... Богатырев Владимир Васильевич... Бурков...

Годы назывались самые разные, несколько раз мелькнул даже 1995-й: видимо, только-только кому-то 18 лет исполнилось. Звучали в основном 80-е и 90-е, но и людей 60–70-х годов рождения среди стоящих рядом тоже оказалось довольно много, наверняка офицеры запаса.

– Опарин, 90-й, 50-я! Опарина, 92-й, 52-я! Осокин, 88-й, 48-я!..

Названные никуда не уходили, продолжали стоять и слушать.

– Петрова, 92-й, 52-я!

Как ни странно, она чуть было не упустила свое имя и испугалась, но четкий голос запомнился отлично, каждым оттенком интонации. Петрова здесь была одна, хотя Петровых – сразу три или четыре человека. Что значит 52-я, интересно?

– Савватов... Сбарыкин... Смирнов Аркадий Леонидович... Смирнов Алексей Алексеевич...

Это было долго, но скучно так и не стало. Вика разглядывала лица мужчин, мальчишек и немногочисленных в этой толпе женщин и девушек, пыталась угадать, кто будет назван следующим, изменится ли выражение на его или ее лице. Фельдшер со «Скорой помощи», к которой Вика «присоседилась», простояла с таким непроницаемым лицом, что девушка так и не поняла, какая фамилия была ее и какого она года рождения.

Закончил офицер на распространенной фамилии «Яковлев» – и тут же, без паузы, разъяснил, где находится сборный пункт их района и где городской. Три группы на районный пункт – это мотострелки, артиллеристы, танкисты, связисты, водители, инженеры, необученные. На городской сборный пункт на Загородном проспекте идут группы, в которые собирают всех с редкими ВУСами и «особыми признаками службы»: плавсостав надводных кораблей, морская пехота, пограничные войска, разведка горных воинских частей и подразделений и так далее. В обоих случаях брать с собой паспорт или иное удостоверение личности, призывникам – приписное удостоверение, офицерам запаса – военный билет. Теплую одежду, средства гигиены, сухой паек на три дня – все как положено. Потом объявил время: группа 48-я сегодня в 23.00, группа 49-я завтра в 07.00 и так далее. Ее 52-ю группу, что бы этот номер ни значил, поставили на утро, на 10 часов ровно. Вика посмотрела на часы, было около трех дня. Тем, кому было назначено явиться на сборный пункт прямо сегодня, на «сборы» и прощания с родными оставалось не так много времени.

– А если все с собой? – громко спросил высокий бритый парень с густыми черными бровями. Его поддержало сразу несколько человек, включая пару мужиков сильно постарше, чуть ли не как отец.

– С семьей сходите попрощайтесь, – довольно резко ответил офицер. – С любимыми. На работе бумагу предъявить, получить расчет. *Туда* – успеете еще. Смысла приходить на свой сборный пункт раньше срока нет.

Раздалось бурчание, кто-то аж свистнул. Офицер обвел всех мрачным взглядом молча – и постепенно стало тише.

– Есть кто-то, кто не запомнил номер группы, время сбора?

Мальчики, мужчины и женщины вразнобой ответили, что запомнили все.

– Тогда свободны. Всем в 110-й кабинет, прямо у дежурки, там получить свою бумагу и расписаться.

– Что получить? – переспросил у Вики тот же бритый парень, что обратился к ней перед началом переключки.

– Бумагу, – повторила она ему, не понимая. – Причем явно не повестку. Думаю, просто напоминалку со временем и адресом. Тебе в какую?

– В 51-ю, на район.

– Мне в 52-ю.

– Ага.

Парень совершенно не собирался знакомиться. Поправил тонкий свитер на боках, сделал сосредоточенное выражение лица и ушел. Вика поглядела вокруг: так выглядели почти все. Сосредоточенными на себе, на своем будущем. Максимум уходили попарно. Группа «Винни и его друзей», тройка из здорового бойца Вити, высокого Леши и грубого Сергея, выделялась на общем фоне именно сбитостью, слаженностью движений. Но они уже не были ей нужны, и Вика начала проталкиваться по коридору одна. По стенам стояли те же сотни людей, двери так же открывались и закрывались. Даже после ухода стольких «прошедших комиссию», меньше народа в военкомате не стало. А поскольку она оказалась из последних направившихся за получением своего квиточка, то это тоже заняло время.

Быстрое СМС-сообщение для мамы: *«Мама, у меня все в порядке, скоро закончу и домой»*. Прямо сейчас связи не было, но СМС уйдет из «исходящих», как только она появится: так уже бывало за эти дни. Шепот сбоку, спереди, сзади: здесь почему-то говорили тихо. Холод, приносимый из близкой двери на улицу. Подошедшая очередь. Прямоугольник желтоватой бумаги, отпечатанный бог весть когда. Приложение № 30, инструкция п. 34. Все же она была не права: бумага называлась именно «повестка». Адресованная «гражданину Петровой В.М.», проживающему по адресу... В соответствии с Федеральным законом от 28 мая 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» вы обязаны... явиться по адресу Лесной пр., д. 39, к. 4 для отправки к месту военной службы... При себе иметь...»

Вика расписалась на верхней части формы и на нижней, дала измученной женщине с погончиками рядовой разорвать плотную бумагу на истертой металлической линейке. Взяла верхнюю половину. Машинально попрощалась и вышла. В дверь сразу просунулся следующий в очереди. В гардеробе уже не было такой давки, но вновь пришедшие окончательно завалили гардероб своей одеждой, а уходящие разбрасывали все подряд в поисках своей собственной. Искать куртку пришлось долго, и все это время Вика изо всех сил старалась не заплакать от разрешившегося напряжения и страха перед будущим. На часах было 15.40. Как раз доехать до дома, собраться и сделать все, что требуется, чтобы вернуться на Лесной. Помыться с комфортом в последний раз, если получится. Отобрать одежду и бытовые женские вещи. И сказать об этом всем маме.

Понедельник, 18 марта

«Опасения России по поводу размещения американской ПРО в Польше являются нелепыми и смехотворными...»

Государственный секретарь США Кондолиза Райс в ходе выступления в Германии, 31 мая 2007 г.

Число ссылок в поисковой системе Google на запрос по ключевым словам «Russia is the enemy» составляет примерно 45 800 000.

Сегодня.

По земле довольно густо мело снежными крошками. Иногда особо густой и особо шустрый снежный язык поднимало ветром выше, и он тыкался под полы шинели, сразу заставляя передергиваться. И сверху тоже сыпало, причем не снежинками, а как будто маленькими ледяными гранулами. Ноги в ботинках давно околели, и Рома шевелил пальцами почти машинально. По-хорошему, надо было найти укрытие и как следует согреться. Он прекрасно понимал, что отмороженные пальцы или даже ступни – это самый настоящий трындец, но пока во внутреннем диалоге между «надо бы» и «а вот это надо еще больше» раз за разом побеждало последнее.

Машину он оставил около полутора часов назад, потому что больно удачное было место: разбитый гараж какого-то мехпарка, принадлежавшего давно заброшенному комплексу зданий или совхоза, или колхоза без имени. Часть плит на крыше гаража куда-то делась, ворот не было, и даже внутри там и сям торчали лысые сейчас кусты и стволы невысоких деревьев. Среди разбросанных железяк разного калибра ржавел остов довольно крупного бульдозера, а на разной дистанции от тех же отсутствующих ворот расположилось несколько давно брошенных автомобилей отечественных марок. Часть без колес, часть без стекол, одна даже без дверей и капота, хотя кому уж они нужны? В общем, классическая иллюстрация к «Сталкеру». Среди всего этого отцовская «девятка» выглядела совершенно родной и превосходно слилась с фоном. Роман на всякий случай снял клеммы с аккумуляторной батареи и спрятал смотанные в жгут провода в десятке метров, в стопке лежащих плашмя бурых от ржавчины колесных дисков. Подумав, тщательно проверил, как закрылись все двери, после чего, кинув на машину прощальный взгляд, двинулся дальше пешком.

Бензина в «девятке» было почти три четверти бака: вполне хватило бы, чтобы объехать Калининградскую область по периметру. Но ехать в город на машине он не рискнул. Даже из деревни, куда он отвез мать, масштаб происходящего доходил довольно неплохо. По смолкшему к десяти утра телевизору, по радио, да и уже просто на слух. Южнее и юго-западнее грохотало почти без перерыва, и еще до полудня грохот начал расползаться в стороны.

Деревней эту коллекцию разнокалиберных домиков было назвать довольно сложно: скорее разросшийся во много раз хутор, когда-то, наверное, принадлежащий одному немцу, а теперь многим семьям. Но люди здесь жили, и некоторые даже круглый год, как тетка, наезжавшая в Калининград разве что по праздникам. В деревне или «деревеньке», которая на семейном языке звалась Почти Простоквашино, не было средней школы, почтового отделения, сберкассы и даже просто магазина. Был открывающийся на четыре часа в день ларек, который держал один из постоянных жителей. Не было и государственного автобусного маршрута, но до Зеленоградска оттуда можно было добраться почти не устав, поэтому люди и жили. Основным транспортом являлся велосипед, на котором здесь ездили лет до семидесяти. Если надо, приезжала «Скорая», хотя асфальта не было тоже. Рома считал, что вот именно это, отсутствие

асфальта, – решающий фактор, благодаря которому деревенька не отмечена на всех сколько-нибудь значимых картах.

В небе рявкнуло, и он приподнял голову на ходу, отчего опять укололо холодом чуть ли не по всему телу сразу: и в ступни, и в шею, и за пазуху. Но в бело-голубом пространстве над головой оказалось на удивление чисто: ни одного инверсионного следа, ни малейших признаков мельтешащих самолетов. Это казалось странным, но малейшей толики самокритичности оказывалось достаточно, чтобы убедиться в собственной малограмотности. Роман Сивый был курсантом четвертого курса БВМИ/КВВМУ по специальности «корабельные автоматизированные комплексы и информационно-управляющие системы»: в тактике своих и чужих ВВС он понимал хуже, чем свинья в апельсинах.

– Эй, парень!

Навстречу ехал мужичок на велосипеде. По заледеневшей дороге он катился вихляясь, озираясь на ходу. Увидев ковыляющего на замерзших ногах курсанта, он почему-то обрадовался и подкатил к нему, с энтузиазмом работая педалями. Одет мужик был не в пример лучше Ромы: в выпетший бушлат защитного цвета и ушанку без кокарды. Приблизившись, он соскочил со своего сиденья совсем рядом, а посмотрев на Ромино лицо, почему-то сразу же полез в карман своего бушлата за сигаретами. Отказываться было глупо, каким ты спортсменом ни будь, и Рома с благодарностью принял дешевую сигарету с фильтром и прикурил вторым от протянутой зажигалки в цветном пластиковом корпусе.

– Ты с аэродрома?

– А? Нет, не с аэродрома.

Почему-то сразу возникло ощущение, что называть первому встречному деревеньку, где он оставил мать, не следует. Вчера бы такое в голову не пришло. Но то вчера.

– А ты?

Мужик нервно обернулся назад, в ту сторону, откуда прикатил. Глубоко затянулся.

– Моряк? – спросил он вместо ответа.

– Да.

– А че от моря идешь?

Роман с секунду подумал, прежде чем ответить. Грубить не хотелось.

– Я курсант, – наконец ответил он.

Мужик снова обернулся в одну и другую сторону, сокрушенно крикнул, дотянул сигарету и резким движением кинул окурочок под ноги. Рома машинально проводил его движение взглядом.

– Че, курсант, допрыгались?

– Кто? – уже спокойно спросил он мужика, хотя предчувствовал ответ.

– Все. Все мы.

– Похоже на то.

Возразить было нечего. Просто выглядящий мужичок в бушлате и ушанке был прав по полной. Его «че?» выглядело нарочитым, совпадающим с «манерой одеваться», но не с лицом.

– Куда двинешь?

– К себе, – честно ответил Роман. – В училище. У нас там нормальные офицеры. Скажут, что делать.

Велосипедист приподнял одну бровь, но промолчал. Они кивнули друг другу и разошлись. Домусоливая свою сигарету, Роман потопал дальше, старательно отталкиваясь ото льда и снега одеревеневшими ногами. Странное дело, но сигарета его действительно в какой-то степени согрела, хотя ниже колен втянутое легкими тепло не дошло. Он обернулся на уехавшего встречным курсом мужика раз или два – тот старательно работал ногами, втягивая голову в плечи. Может, на тот самый аэродром ехал, о котором спрашивал. Может, летчик или по крайней мере техник: и не разобрать, гражданский на самом деле или военный. Насколько он знал,

в Храброве базировались флотские транспортные борта, работающие на ближних маршрутах. Интересно, в какой они сейчас форме? В виде пылающих обломков? В виде приза игры «царь горы», штурмуемые озверевшей толпой бабушек с авоськами?

Последняя мысль заставила Романа посмеяться, это тоже чуточку согревало. В Храброве он бывал не раз – и по пути из города на юг, и по пути к тетке или обратно, когда не складывалось с машиной. До Храброво от их Почти Простоквашино можно было добраться и на велосипеде, и на лыжах, и пешком, хотя топать пришлось бы раза в два дольше, чем до Зеленоградска. Зато там инфраструктура: магазины, налаженный транспорт, регулярные автобусы. Как способ, выбраться в город быстро и надежно, Зеленоградск был ничем не хуже, но ездить через аэродром обходилось заметно дешевле. С другой стороны, там невозможно было затовариться продуктами, если ты, конечно, не Абрамович, Березовский или Греф.

Размышляя, он продолжал и продолжал топтать. Мысли о прошлом успокаивали, не давали места для размышлений о сегодняшнем дне и особенно о завтрашнем. Он был курсант, в военной форме, давший военную присягу. И даже вооруженный: в правом кармане шинели лежал пистолет. Австрийский «глок-19» под привычный 9-миллиметровый патрон. Отец про него сказал, что пистолет «перекламированный, но точный», сам же Роман со своей почти дилетантской колокольни счел сильной стороной «глока» большую емкость магазина. В нем уже не хватало четырех патронов, и Рома прекрасно помнил, почему именно. Именно из этого пистолета стреляли в их дверь. Совсем недавно, хотя сейчас казалось, что годы назад. Причем наполненные событиями годы, уже покрывающиеся налетом сбывшегося. Уже притупившие остроту произошедшего. Один «глок» отец забрал себе, «чешску зброевку» отдал прапорщику, который куда-то пропал и с ними не поехал. Вторым «глоком» достался ему. Странно, что отец не подумал о запасных магазинах, но, может, не хотел лишний раз копаться в карманах убитых рядом с мамой. Хотя вытащил же он документы...

Все же полностью переключиться не удавалось: мысли об оставшемся далеко позади, почти в прошлой жизни воскресном утре с отцом и мамой уходили, замещаясь новыми, страшными и злыми. Как там будет мама? Тетка в этой деревушке свой человек, чужих там нет, и ее сестру там тоже привыкли видеть. И кто ее муж, тоже отлично знали, потому что старший офицер морской пехоты имеет в наши дни в России такой статус, который не спрячешь. Хорошо это или плохо? Полезно или опасно? Будут ли помогать им соседи потому, что отец защищает Родину на передовом рубеже? Или, наоборот, кто-то из сто лет знакомых соседей побежит в город в только-только создаваемую комендатуру, чтобы доложить какому-нибудь новоявленному бургомистру, что вот у них объявилась семья красного командира, подлежащая аресту и ликвидации... Ассоциация влезла в голову сама, полностью заменив исходный образ, и от этого он чуть не подавился ледяным воздухом. Ну ничего себе!

Он замедлил шаг, прислушиваясь к себе. Нет, психиатрией не пахло. Он не «попаданец», провалившийся в прошлое, хотя это было бы лучшим выходом. Но фантастическим. А происходящее вокруг не было бредом: ни алкогольным, ни наркотическим. Роман сунул руку в карман и потрогал рукоятку тяжелого пистолета онемевшим кончиком указательного пальца, не слишком-то хорошо защищаемого перчаткой. У отца и так было два пистолета, включая автоматический пистолет Стечкина. Зачем ему был третий? Просто потому, что на войне оружие лишним не бывает? «На войне...» Шагая, он пожал плечами своей последней мысли, и тут же стало совсем холодно. Доходило до него все же медленно. Он увидел начало этой войны раньше всех, на целые десятки минут раньше, потом успел что-то еще увидеть по телевизору, услышать по радио. И все равно происходящее не дошло до него до конца. Потому что еще вчера все было другим: полная семья, училище, съемная комната в хорошем месте города, короткие поездки к родителям в большую часть выходных. В их училище в 2010–2011 годах курсантов не набирали вообще, только по десятку человек в «школу техников» – будущих мичманов. Поэтому его курс три года был младшим: только в прошлом 2012-м вновь начали

набор и пришли салаги. Что теперь будет с училищем? Что с ним уже произошло, могло произойти? Будет ли какая-то польза стране от того, что из увольнений до места доберутся полторы или две сотни недоучившихся специалистов по корабельной электронике и радиотехнике и их преподаватели? Кто-то сразу пойдет на сборный пункт, потому что не морскую же пехоту из них делать? Сводный батальон, как делали многие десятилетия назад!

Роман запнулся на полушаге, потому что на очередном пологом пригорке, между раступившимися в стороны елками, открылся позволяющий заглянуть далеко вперед просвет и в его конце наконец-то завиднелось шоссе. Ну, теперь дело пойдет быстрее. Он так обрадовался, что дрожь отступила на целую минуту. Воспользовавшись этим подарком организма, Роман быстро дошагал до Т-образного перекрестка, увенчанного с его стороны обычным знаком в виде перевернутого треугольника. Нет, не шоссе, конечно. Региональная автомобильная дорога, двухполоска, но в приличном состоянии. Именно она соединяла Зеленоградск и Ленинградский район Калининграда, превращаясь на северной окраине последнего в извитую улицу Александра Невского. Дорогу ремонтировали почти перманентно, из конца в конец, но конкретно этот участок оказался сейчас чистым: без вечных куч строительного мусора и огороженной конусами и знаками разнокалиберной дорожной спецтехники. И вообще, на дороге не было машин. И людей.

Осторожно свернув вправо и отойдя от перекрестка на десяток метров уже довольно медленным шагом, Роман остановился и прислушался. Да, на юге и по сторонам довольно сильно рокотало. Именно это, наверное, называлось словом «канонада». Странное слово, устаревшее, не бывшее в обиходе десятки лет. Вспышек на фоне неба он не заметил, но, возможно, еще было слишком светло для этого. Солнце сейчас садилось где-то без четверти пять, и даже до сумерек оставалось еще много часов. День сегодня начался рано...

Ага, вот кто-то и едет! Со стороны города начал нарастать шум мотора. Слышно его было хорошо, потому что ничего не мешало, звука движения других машин он не мог уловить ни с одной стороны, ни с другой. Приближающийся автомобиль еще не было видно, когда Роману пришло в голову, что он может быть чем угодно. Вплоть до головного дозора вражеской автоколонны. Но прыгать в заиндевевшие кусты, теряя, возможно, единственный на ближайший час шанс выгадать время и вообще узнать текущие местные новости, было вообще глупо. Тем более звук был совершенно нормальным. Набитый солдатами тентованный грузовик звучит иначе: уж это он знал. Их тоже так возили – и на стрельбище, и в лагерь, и в оцепление на праздники, и так далее: на много разных случаев. Украшая «Уралы» с эмблемой БВМИ/КВВМУ оптимистичной желтой табличкой с надписью: «Люди». Привычной для всей области, в которой всегда было много военных.

Машина выскользнула из-за поворота, и он снова остановился и убрал руку из кармана, от рукоятки. Это был быстродвигающийся внедорожник с привычным силуэтом, «Шевроле Нива» серого цвета. Двигался он навстречу, но Роман все равно поднял руку. К его удивлению, сначала даже прибавивший ход автомобиль вдруг вякнул тормозами, чуть вильнул по льду и встал как вкопанный ровно напротив него, на своей полосе. Водительское стекло опустилось на всю глубину, за ним оказался крепкий молодой парень с осунувшимся лицом.

– Але! – просто поздоровался тот.

– Здравсьте, – машинально ответил Роман. – Вы из города?

– Откуда же еще? – быстро отозвался парень. – А ты с аэродрома?

Пассажирское сиденье справа от водителя оказалось пустым, хотя и заваленным сумками, а вот сзади все было набито, там сидели сразу четверо: двое взрослых и двое маленьких детей, один в «сидушке», другой на коленях у женщины средних лет.

– Нет, не с аэродрома. Сначала с Балтийска, потом...

– Как там, в Балтийске? – снова очень быстро спросил парень, не дав ему закончить.

Роман пожал плечами: он не знал. Отец остался, и можно было только гадать, чем он занят в эту конкретную минуту. На юго-западе рокотало так же, как и строго на юг, значит, кто-то дерется.

– Что в городе? – спросил он в ответ, и парень дернул щекой сверху-вниз. Нервное движение перешло в пожимание плечами.

– Хреново там, – наконец отозвался он вслух. – Совсем хреново. Не ходи туда.

– Мне в училище, – машинально произнес Рома, хотя уже не был в этом уверен.

– В которое, морское? Которое на Советском стояло?

Разглядывая снова дернувшееся лицо парня, Роман смолчал. «Стояло» – что это значит? Почти наверняка ничего важного. Например, можно вспомнить, что БГАРФ, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, тоже располагалась в пределах города, и довольно близко. Его курсанты тоже носили черную форму.

– Я почти оттуда, с маршала Борзова. Ваше училище пришлось далеко объезжать, там...

Он прямо посмотрел в глаза курсанта и замолчал на секунду или две.

– В общем, там тускло совсем. Все в дыму, и... Часа не прошло, как я оттуда свалил. Крался по дворам, если тебе интересно. Тогда стрельба еще шла.

Роман стоял, оцепенев. Слушал, не понимая. Какая стрельба, почему стрельба? Всегда был пистолет у дежурного офицера, но больше он оружия в училище не видел, так как специальности что у будущих инженеров, что у будущих техников были не то чтобы «мирные», но, во всяком случае, не связанные с оружием напрямую. Ни со стрелковым, ни с морской артиллерией, ни с прочим. Сплошь радиотехника и АСУ. В кого там могли стрелять?

– Ты садишься или нет?

Парень за рулем «Шевроле Нивы» спросил это раздраженно, будто переспрашивал третий раз у тормозящего. Задать логичные вопросы про «куда ехать» и «зачем» Роман не успел: тот уже тронул машину с места, закрывая окно на ходу. Вслед уехавшему внедорожнику он поглядел тупо, не понимая, и только потом почувствовал надвигающийся рокот. Это, наверное, случилось потому, что ступни ног уже превратились в ледышки, буквально слившись с землей через тонкие подошвы. Именно поэтому он как раз не услышал сначала происходящее, а почувствовал ступнями, как начала подрагивать земля. Бросив тупить, Роман живо сбежал с замеченной тонким слоем снеговых крошек проезжей части к кювету. Тут же провалился по колени, замедлился и понял, что перебираться глубже в прозрачный лесок смысла нет: не успеет отойти. Дрожь земли в снегу уже не чувствовалась, зато стал различим звук моторов. Идущий оттуда же, со стороны города.

Рухнув на колени, он начал обеими руками в перчатках разгребать мягкий снег. Слава богу, хватило ума сдвинуться по дороге на несколько метров, не рвануть точно перпендикулярно. Теперь небольшой изгиб был ему в помощь. За какие-то секунды Роман откопал в пронизанном ледяными перепонками снегу довольно глубокую, вытянутую вдоль хода кювета лунку и втиснулся в нее всем телом, подоткнув полы шинели и зажав их коленями. Рев двигателей был уже оглушающим: казалось, что двигается минимум полк. И дрожание снова стало заметным, хоть и через снег. Провернувшись как внутри кокона, он попытался осмотреть себя, но ничего не понял. Да, самому ему дороги не видно, но это ничего не значит: очень может быть, что сам он как на ладони. Интересно, тот нервный парень что, почувствовал приближающиеся машины? Услышал? Что не увидел в зеркальце, это точно: те были еще слишком далеко, когда он тронулся и сразу погнался. Но почувствовал как-то. «Нива» была единственным автомобилем, которую Роман видел за минуты разговора, однако он встретил ее почти сразу же после выхода на двухполоску. Что это может значить, было непонятно, скорее всего, совершенно ничего важного, но размышления на не особо важную тему хорошо отвлекали от сиюминутного страха, поэтому на них он постарался сконцентрироваться. Но не вышло, потому что к глухому, уверенному реву добавился и лязг. Гусеницы! Осознание этого простого факта

едва не выбросило Романа из снежной ямки обратно на дорогу. Как выглядит техника отцовской бригады на марше, он видал сто раз. Очень и очень может быть, что это идет один из ее батальонов. И может быть, прямо отцовский. Вот было бы интересное совпадение. Почему от города? Ну, может, отступление?..

Лязг и рев сменился сплошным гулом, снова расслоился, дойдя до своего пика, добавил ко всему шуршание и стук и почти тут же вновь начал превращаться в гул. Головная машина уже прошла мимо него, но основной вклад в звуковую палитру давала не она, а колонна, отставшая от нее по крайней мере секунд на тридцать. Отцовская эта колонна, в смысле «своя», или нет? Роман отлично понимал, что это лотерея. Предположим, один к одному. Он может поднять голову и посмотреть. Есть шанс, что он увидит вперемешку МТ-ЛБ, БТР-80 и самоходки отцовской бригады; танков, судя по звуку, здесь все же не было. Тогда все его собственные ближайшие проблемы окончатся сами собой: его посадят на броню, дадут или не дадут в руки лишний автомат и в любом случае прикажут, что делать. Но с другой стороны, в нескольких метрах от него сейчас могут двигаться американские «Брэдли» и польские «Росомахи», и реакция их экипажей на вид поднимающегося из заснеженного кювета фигуры в черной флотской шинели будет совершенно однозначной. И окончательной.

Выбор был не особо сложным, а терпение Рома имел на зависть многим, поэтому продолжал лежать неподвижно. Очень надеясь на то, что его не видно не просто с дороги, а и с самого верха наблюдателям поверх брони. От оглушающего рева двигателей, шустрого лязга гусеничных звеньев и шуршания разбрасывающих льдинки толстых шин в каких-то метрах от себя можно было сойти с ума. Звуки повторялись раз за разом – колонна явно была большая. В кювет густо тек запах солярного выхлопа, от которого не просто першило в горле, а натурально было трудно дышать и слезились глаза. Рома изо всех сил крепился, чтобы не закашляться, но это было бесполезно, и в итоге он счел, что стараться не дергаться при каждом легочном спазме важнее, чем стараться не кашлять.

Через несколько минут лязг и шорох как-то разом начали уходить, но Роман на всякий случай заставил себя досчитать до девяноста и не прогадал. То ли он наполовину оглох, то ли обалдел от выхлопных газов, как молодой токсикоман, но очередную накатывающуюся волну лязга он и не услышал, и не почувствовал до самого последнего момента, пока она не пронеслась мимо в том же направлении, что и все другие, – к северу. Выждав еще сколько-то, он наконец-то осторожно начал высвобождать из-за пазухи руки. Нет худа без добра: они наконец-то начали отогреваться, возместив потерянное на выкапывание снежной лежки тепло за счет каких-то других частей тела. Жопы в первую очередь. Цистит, а то и простатит гарантированы.

Стуча зубами не в такт удаляющемуся гулу, Роман выбрался из продавленной весом его тела лунки в сторону канавы, попытался приподняться на одно колено и тут же провалился. Чертыхаясь и отплеываясь, он восстановил равновесие и очень аккуратно выглянул за обрез дорожного полотна, опираясь о спрессованный снег двумя руками. На обжегший запястья холод, тут же сунувшийся в промежутки между перчатками и рукавами шинели, он не обратил никакого внимания – такое впереди открылось зрелище. Убегающая от него концевая машина колонны была, как он и так понял, гусеничной. И выглядела она непривычно: очень широкой и плоской. Даже с кормы она выглядела хищно, как щука. Вооружения Роман не заметил, но дистанция составляла уже метров триста, какие уж тут детали. Хвост собственно колонны ушел дальше вперед, и там были машины нескольких типов. Ему показалось, что две гусеничные единицы в самом хвосте были знакомыми БМП-1 отечественного производства, но он не был уверен: очень уж далеко. Да и ожидать опознавания в стиле «а глаз как у орла» от замерзшего и нанюхавшегося дряни человека было больно оптимистично, будь он даже армейцем, а не моряком.

Поправив ушанку и занявшись вытряхиванием снега из-за шивороты уже снова закован-невшими пальцами и выбором его не растаявших еще комков из рукавов, Роман подождал, пока замыкающая колонну отставшая гусеничная машина не исчезнет из видимости за очередным плавным поворотом. Только после этого он аккуратно выбрался из кювета на дорогу и затопал ногами на одном месте. Тыловой дозор это был, вот что.

Сам не зная зачем, он снова сунул руку в карман пощупать пистолет. Карман оказался полон снега, и еще полминуты ушло на то, чтобы вычистить его весь, а затем обтереть «глок» рукавом. Неделю назад ему и в голову бы не пришло представить, как спокойно он будет это делать. Впрочем, тогда немыслимо было представить и все остальное, вместе взятое: от гонки по заснеженной дороге с оставшимся позади отцом до чужих машин, двигающихся от Калининграда к Зеленоградску. К слову, ни одна машина из колонны не свернула на ту местную дорогу, которой он вышел на шоссе, и это было хорошо: единственная хорошая деталь из всей окружающей беспросветности. Чьи это были машины, похожая на шуку замыкающая и все остальные? Чешские, польские, американские? Мог ли он ошибиться и не узнать что-то из парков расквартированных в анклав частей и подразделений российских ВС? «А черт его знает», – честно сказал Роман самому себе.

На душе было «тускло», как довольно метко заметил тот парень в «Ниве». Интересно, как далеко он сумеет продвинуться по ремонтируемой дороге, на сколько километров тянется готовый участок? Догонят ли его эти ребята на гусеничных и колесных бронетранспортерах вперемешку? На его взгляд, вряд ли. Хотя «Шевроле Нива» машина не из вызывающих зависть, даже с полной загрузкой она по шоссе превосходит любую гусеничную драндулетину раза в полтора. Отечественные БРДМ она, наверное, с меньшим отрывом, но тоже обгонит, но он не в курсе, были ли такие в колонне. Лежал как ляля, тихо и смирно. Обонял воздух свободы.

Шагая в том же направлении, что и раньше, Роман с удовлетворением отметил, что иногда еще может иронизировать. Значит, и не совсем задубел, и не совсем напугался. Сильно, но не до конца. Это хорошо. Отец воспитывал в нем здоровый реализм, черту, имеющую в его глазах очень высокий ранг. Здоровую мужскую агрессивность, без которой любой военный превращается в кабинетного хомячка, мечтающего о должности в пределах Садового кольца, он тоже в сыне воспитывал, но в меньшей степени. Эту черту он пустил почти на самотек, потому и смотрел спокойно на то, как часто Рома менял спортклубы. На традиционном самбо он дорос до первого разряда и остановился, потом пробовал капоэйру, крав-мага и кёкусинкай-карате, нигде не задержавшись больше чем на учебный год. С отцовской точки зрения, раз не бильярд и не автомоделный спорт – уже хорошо. К радиомodelному спорту он бы, возможно, вообще нормально отнесся, но Роман в итоге пошел не в связисты, а на уже упоминавшиеся «корабельные автоматизированные комплексы и информационно-управляющие системы». Нормальная мужская специальность, требующая и головы, и скорости реакции. Квалификация выпускников – морской инженер. Объектами профессиональной деятельности являются пусковые установки и аппараты, системы погрузки, хранения и перезарядки отделяемых объектов, средства управления этими системами и установками, режимами движения носителя и наведения пусковых установок. А также процессы разработки, изготовления и эксплуатации автоматизированных корабельных комплексов и информационно-управляющих систем, но это вряд ли: Роману заметно больше хотелось быть причастным к боевому применению, чем к разработке и изготовлению. Эксплуатации – это еще куда ни шло. Без этого никак ни «Базальту», ни «Яхонту», ни «Москиту». Ни даже больше увлекшим его с последнего курса корабельным системам ПВО...

Проговорив про себя последние фразы, он остановился, держа правую ногу поднятой в воздух. Потом аккуратно поставил. За поворотом стояли машины. Штуки четыре. Моторы были заглушены, поэтому он так поздно их заметил. Просто темные силуэты в узком просвете

между деревьями. До них оставалось метров двести или даже чуть больше, но все равно было заметно, что что-то там не так.

Настороженно обернувшись по сторонам, Роман решил не двигаться к ним слишком уж прямо. Мало ли... И так его могли увидеть – быстро шагающую фигуру в черном на фоне белой и серой дороги. Чертыхаясь про себя, он снова полез в кювет, тут же набрал полные ботинки снега, затем полные рукава его же, но все же довольно шустро вылез из канавы и пошел по насту, огибая едва различимую теперь неподвижную группу по широкой дуге. Собственно в лесу снега было мало, ветер резко ослаб, и продвижение не представляло особых трудностей, так что он мог сконцентрироваться на наблюдении. Каждые шагов двадцать Роман останавливался и прислушивался, но так и не сумел расслышать чего-либо особенного. Шум в ушах и буханье сердца в груди почти сливались и по тембру, и по интенсивности с далекой неравномерной канонадой, поэтому слушать было непросто. Одна из сухих, покрытых инеем веток довольно чувствительно царапнула его поперек лица, после этого он постарался быть еще более внимательным: вполне мог бы и заметить, отвести. Минут через пять или шесть крадущегося шага со всеми остановками вывели его точно на раковину той же группы. Минута наблюдения не дала ровно ничего, а деталей различить никак не удавалось, и он решил сократить дистанцию. Делал это Роман сгорбившись и двигаться пытался не короткими перебежками, а плавно и равномерно, как учил отец. Они не зря провели вместе столько летних недель за последние годы и целых месяцев чуть раньше. Чему-то он сумел его научить и без демонстративного превращения семейного отдыха в филиал родной казармы.

Когда детали стали различимы, пришлось потратить еще минуту и в который раз оглядеть все вокруг. Тишина и зимнее благолепие, только чирикающих птичек не хватает. Птицы почему-то коллективно молчали, то ли ошарашенные далеким гулом, то ли еще почему. Возможно, просто окоченели, как он сам.

Еще одна «Шевроле Нива» и что-то покрупнее, с устаревшими рублеными обводами, – вглядываясь Роман в молчащие теперь совсем недалеко от него автомобили. Вроде «Гранд Витары» старых выпусков. И две легковушки: купе и седан. Все почему-то сплошь черные. Он промокнул слезящиеся от напряжения и порывов холодного ветра глаза рукавом и тут же пожалел о сделанном: лучше видно не стало. Пришлось продвинуться вперед еще метров на пятнадцать, и только после этого с большим опозданием Роман осознал, что это ему не кажется и что над машинами колышется марево теплого воздуха, как бывает летом. Очень серьезно подумав, он все же достал из кармана «глок» и дослал патрон в патронник. Машинально искал предохранитель, сначала на одной стороне пистолета, потом на другой. Не нашел, устыдился и снова перевел взгляд вперед.

– Что за чертова хрень...

Автомобили однозначно тлели, все четыре разом. И рядом с ними он не видел ни одного человека. Пошли за помощью? Плюнули на пожаротушение и отправились дальше к Храброво пешком? Об этом можно было только гадать. Любой автолюбитель в курсе: автомобильный огнетушитель, даже не «баллончик», а настоящий двухлитровый – вещь абсолютно бесполезная. Им можно, например, потушить горящую собачью будку или что-то иное столь же мону-ментальное. Возможно, мотороллер, если он вдруг загорится. Но даже в несколько стволов такие огнетушители не имеют шанса залить горящий автомобиль, даже легковой. Вспыхнувшая на ходу проводка – однозначный total, как это принято называть в общении со страховыми компаниями: даже если начать тушить двигатель сразу же, подключить всех очевидцев и не экономить углекислоту на будущее – от машины остается в целости максимум корма.

Очередные пять метров, не принесших ничего нового. Потом еще пять. Очередная минута на тщательное прислушивание и еще одна на оглядывание. Так мог себя вести параноик в тылу врага.

Роман выбрался из кювета на дорогу и пошел вперед, крадучись, аккуратно переставляя ноги. Интересно, что здесь кювет был довольно мелким – в таком не спрячешься. Машины стояли на дорожном полотне почти правильным ромбом или даже немецкой «свиньей». Поставив замеченную им «Гранд Витару» непосредственно «в пятачок». Расстояние между ними было где-то в полтора корпуса, чуть больше до концевой «Калины», от которой вообще остался один каркас. Вблизи стало ясно, что копать покрывает легковушки целиком, на «Витаре» же уцелело по крайней мере одно видимое пятно краски темно-зеленого цвета. Он сделал очередной шаг, обходя ближнюю машину сбоку, и вот тут остановился намертво. Потому что увидел нечто, совершенно не укладывающееся в голове. Довольно долго Роман тупо на это смотрел. Буквально как баран. На дырки в корпусах машин, которые он увидел как-то разом на всех четырех, – до этого момента они сливались с фоном. Часть дырок выглядела как круги, больше как овалы, а несколько превратились в длинные узкие разрезы по жести. Последние выглядели довольно странно, но их происхождение было очевидным: пулемет, причем однозначно крупнокалиберный. И тела. На всех сиденьях. Тоже черные. Не выскочил ни один. Даже не была открыта ни одна дверь, по крайней мере с той стороны, где он стоял.

Роман произнес несколько простых матерных словосочетаний. Сначала про себя и машинально, затем шепотом и уже более осознанно. Это неожиданно помогло: сначала отпустило захолонувшее сердце, потом мысли, потом мышцы. Он снова покрутил головой, проведя взглядом по дороге за своей спиной и по леску на противоположной стороне двухполоски. Как и раньше, нигде ничего, только долбит и долбит артиллерия вдалеке. Подошел еще на шаг ближе, посмотрел, не отводя взгляд. Он был военным, пусть и не со «строевой» ВУС. Не трусом и абсолютно точно не интеллигентом или «ботаном» в крайних проявлениях. Но смотреть все равно оказалось тяжело и по-настоящему больно. Сжав зубы, он обошел всю застывшую группу расстрелянных автомобилей по кругу. Да, не открыта ни одна дверь, все тела внутри. По 4–5 человек на машину, несколько детей. Сгорели все четыре, причем сгорели довольно давно, не было даже признаков пламени, только тление и тепло. Снег наверняка сначала растаял, но земля уже остыла, и с краев мокрого черного пятна уже начали пробираться снежные змейки. И совершенно не было запаха – вот что его поразило. Тепло ощущалось, но не «пахло»: ни гарью, ни резиновой изоляцией проводов, ни жженым маслом, ни сгоревшими телами, наконец. Должно было пахнуть, однозначно, но он ничего не чувствовал, вообще никаких запахов. Отморозил нос? Или обоняние сожгло соляным выхлопом в той канаве сколько-то десятков минут назад? Или он так сильно получил по мозгам от всего произошедшего с утра, что, говорят, случается не только с тонкими натурами?

Несложно матерясь про себя, то и дело повторяясь, Роман старался осознать произошедшее в деталях. Асфальт был чист, не нарезан «на кубики», как бывает, когда ходит тяжелая гусеничная техника. Значит, легкая, потому что та колонна, которую он пропустил мимо себя, имела в своем составе едва ли не половину именно гусеничных машин. Но то, что гражданские автомобили сожгла не она, тоже было понятно. Судя по отсутствию пожара, это случилось уже часы назад. А он шел сюда минут 15 максимум и потом еще столько же ковылял и крался в обход, как Бармалей из старого фильма, только в одиночку, без вооруженных друзей. Здесь, наверное, тоже была какая-то колонна. Тоже, возможно, головной дозор из одной или двух быстроходных легких бронированных машин: гусеничных или колесных. И все закончилось за какие-то секунды: именно поэтому все четыре автомобиля стояли кучно и с закрытыми дверями. Но при этом группа разномастных легковушек попала им не «на пути» – они ее как-то догнали. Как? Еще недавно он с удовлетворением заключил, что внедорожник обойдет даже БРДМ. И выходит, что ошибался. Хорошо, что теоретически. Хорошо, что он был без машины.

Когда в голове мелькнула мысль о том, что «зато как замерз», Роман с некоторым стыдом осознал, что уже не мерзнет. Уже согрелся, в этом тепловом пятне внутри ромба тихо, уже бесшумно тлеющих автомобилей. С телами почти двух десятков людей вокруг: всех почти

наверняка гражданских. Детей, на черные силуэты которых в остатках разноразмерных детских сидений он старался не смотреть совсем. Почему нет запаха?

Его неожиданно вырвало, прямо на ноги, и тут же, без перерыва, еще раз, одной кислятиной. Застонав, он отступил назад. С трудом удержался, чтобы не вытереть рот перчаткой. Пошатываясь, дошел до чистого снега, собрал горсть, укусил. Зубы сразу заломило, но, когда он потерпел пару секунд и сплюнул, сразу стало легче. Снег прочистил и мозги, снова стало можно думать. Произошедшее было страшным, но понятным. Выскакивает быстроходный разведчик, гусеничный или колесный, а тут групповая мягкая цель. Безопасная практика, экстрим, воспоминания на всю жизнь... Картинку он пытался не представлять, но она все равно лезла в глаза: короткая высокая бронемашинка на больших колесах полосуется длинными очередями установленного на турели пулемета несущиеся автомобили, и те вспыхивают один за другим почти одновременно. Всего секунды, по одной-две средних или длинных очереди на каждую. Много ли надо на жестяную машинку...

Он кинул взгляд назад, в первый раз осознанно подумав, что делать тут нечего. Похоронить он никого не сумеет. Да, надо, но не получится. Землю копать нечем, а просто вытащить все скукоженные, страшные, тлеющие тела из машин и забрасывать снегом – он сойдет с ума раньше, чем сделает половину этой работы.

Роман еще додумывал это, когда снова услышал шум двигателей. На этот раз он не размышлял: пример того, что может случиться, если попадаешь миротворцам «под горячую руку», был свежим и очевидным. Быстро прикинув направление и дистанцию, он пробрался мимо закопченной «Калины» без единого целого стекла и кинулся в лес, точно на траверз сожженной группы. У него была идея в отношении того, что может произойти, когда очередная колонна наткнется на все это. Чья бы она ни была, сто процентов остановятся. Кювет он перемахнул одним махом, чтобы не оставить следов. Сделав еще пару шагов, быстро оглянулся – да, сойдет. Попрыгал по насту, как зайчик. Метров пятнадцать – и достаточно. Лес был грязноват: с колючими кустами, со старыми вывороченными деревьями. Вроде Калининградская область, а не Хабаровский край, но здесь были и грибы, и зверье, если знать, куда ходить с корзинкой или ружьем. Как Чехов или Ленин. Лежащий на земле довольно толстый ствол с торчащей с одного края рогулькой растопыренных корней отлично Романа устроил. Торопясь, потому что шум работающих на полной тяге двигателей становился все явственнее, он бухнулся у второго, криво обломанного края бревна. Покрытого ином, налипшим на торчащие щепки тысячами искорок. В голове мелькнула картинка из примитивных плакатов первого курса обучения: маскировка на местности, «правильно и неправильно». Голова туповато выглядящего бойца в шлеме, выглядывающего над укрытием, видна отлично. Голова сурового бойца, выглядывающего сбоку, – гораздо хуже. То же самое для куста, для стеночки и что-то еще в этом роде, на много примеров. Еще он успел снять ушанку – и тут справа на дорогу выкатились силуэты нескольких машин. Головными шли две колесные машины знакомого вида: «Хаммеры». Точнее, конечно, не «Хаммеры», а «Хамви», по-английски HMMWV, от «высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство». Ошибкой является мнение, что это военная модификация «Хаммера», машины богатых пажонов. Наоборот, это «Хаммер» – гражданская модификация «Хамви», права на производство которой были проданы не слишком крупной компанией «AM General LLC» аж корпорации General Motors. Как Роман и ждал, они дали по тормозам, не доезжая до группы сгоревших гражданских машин: головной внедорожник пошел юзом, противно закрипели тормоза, потом машина встала.

Цвет ее был серый, но не простой, а в две краски: светло-серый плюс темно-серый. Даже на небольшой дистанции силуэт неподвижного «Хамви» сливался с фоном – заснеженным лесом на противоположной стороне дороги, и это Роме очень не понравилось. Да, несмотря на черные детали там и сям: колеса, выкрашенные черным антенны, кенгурятник спереди. Главное, что на крыше разведчика, в коробочке из броневых листов торчал торс напряженно держа-

щегося за рукоятки впечатляюще выглядящего оружия бойца. Тот был тоже в сером камуфляже, в шлеме с крупными обрезиненными очками либо даже в чем-то типа плавательной маски. На пулемет оружие похоже не было, даже на крупнокалиберный. Скорее, это была малокалиберная скорострельная пушка, но Роман не был в этом уверен и категорически не планировал выяснять такие детали поближе. Странно, но и боец, и его оружие выглядели несоразмерно большими на фоне машины, которую он считал просто громадной. Странно и непривычно. Гражданский «Хаммер», какие в Калининграде были, – это чудовищная хрень, с трудом вписывающаяся в повороты, на парковках занимающая по три места, и еще торчащая в проезд, и очевидно едущая по маршруту «между бензоколонками». Один известный в городе «Хаммер» был аж розовый, его брали в прокат на свадьбы и выпускные балы, когда деньги не считают. А здесь... Здесь военный вариант в общем-то той же самой машины был маленьким основанием для громадной пушки, поворачивающейся влево и вправо в руках настороженно поглядывающего вокруг вражеского солдата. Было слышно, как он перекликается с кем-то внутри его же машины, но ни одного слова Рома не разобрал: разговорный английский был не самым большим коньком в его уровне освоения учебной программы.

Второй «Хамви» встал чуть дальше назад, его было видно хуже. И еще несколько машин остановились совсем уж далеко, на многие десятки метров по ходу дороги. Их он позиционировал скорее по скрипу тормозов, а потом по рокоту незаглушенных моторов. Еще начали более активно перекликаться голоса. Да, на английском. После довольно членораздельно прозвучавшего «*Aye, aye, Sarge!*» это было ясно окончательно. Такие же машины состояли на вооружении Сухопутных войск Польской Республики³, и можно было предположить, что так же выглядит камуфляж, по крайней мере их Специальных войск, но польский язык Рома знал лучше английского. Здесь польский не мелькал и краем. К тому же поляки, как очень большие пижоны, наверняка украсили бы свои машины флажками и эмблемами, а на головной машине он не видел их ни одной, чистый камуфляж.

Несмотря на поддувающий в уши ветер, ему снова стало жарко. Дистанция до головной машины была метров двадцать, не больше. Рома тщательно расположил руки, создав удобный упор. Несколько раз глубоко вздохнув, он посадил стрелка автоматической пушки на мушку. Броневой лист хорошо защищал его чуть ниже, чем до уровня плеч, и шанс попасть точно в голову или шею, в общем-то, был. Но это был шанс для идиота. Двое, затем трое бойцов из головной и второй машины спешили и начали обходить «Калину» с двух сторон, держа штурмовые винтовки на изготовку. Тоже никаких видимых эмблем, знаков различия, только светлый серый камуфляж одного тона для куртки и штанов, покрышки бронежилета, покрышки или собственно «железа» шлема. Вопреки стереотипу, двигались бойцы совершенно молча: вставший во главе треугольника высокий мужик показал кистью свободной левой руки быструю серию жестов, полностью Роману непонятых, и на этом «ввод команд» закончился, все быстро и плавно двинулись вперед. Ему подумалось, что это хорошо, что там было теплое пятно, а то бы он им натоптал по снежку, все было бы в следах. И тут же вспомнилось, как его рвало. Вот эта последняя мысль напугала Романа так, что он передернулся всем телом. Свежее пятно его рвоты между машинами – это знак лучше любого отпечатка подошвы форменного ботинка. «Смотрите, я здесь был, я рядом!»

С двадцати метров из пистолета в защищенную шлемом голову – да, можно и попасть. Стрелял он довольно неплохо. Может быть, одной пулей из трех попадет. Но пулеметчик – точнее, наводчик автоматической пушки – развернется в его сторону за первую же секунду. А за вторую заплюет его снарядами крест-накрест прямо сквозь бревнышко. При сильном

³ Именно так (*Wojska Lądowe Rzeczypospolitej Polskiej; WL*) звучит их правильное название. Название «Войско Польское» (*Wojsko Polskie*) является сейчас неофициальным и объединяет совокупность четырех родов войск.

участии пеших бойцов с легким стрелковым. Один из которых как раз начал обходить стоящие машины слева, с его стороны.

Аккуратно склонив голову вниз, чтобы не столкнуться со стрелком на крыше «Хамви» глазами, Роман убрал руки из упора и, как ящерица, скользнул назад и влево, за бревно. Уходить или уползать было поздно – тут же засекут с таких-то метров. Значит, лежать на животе смирно. Если кто-то будет подходить, это можно будет почувствовать или, скорее, услышать, тогда перед концом можно будет отстреляться из «глока». Емкость магазина у него в полтора раза больше, чем у пистолета Макарова, но можно не питать иллюзий в отношении шанса дострелять его «до ручки».

Впереди начали раздаваться голоса, сразу несколько. В том числе довольно властные, явно принадлежащие или старшему сержантскому составу, или старшему офицерскому. Кто-то выражал свое неудовольствие, причем прямо, открыто и конкретно. Роману было очень любопытно, но разум победил: высовываться из-за бревна он не стал. Двадцать метров. Много для пистолета и ничто для любой длинноствольной системы, в том числе уже для штурмовой винтовки. Жалко.

Из всех звучащих слов и словосочетаний он, к своему стыду, разобрал только одно – «*fucking idiots!*», повторенное раз пять парой голосов и сразу в нескольких вариациях. Слова, приделываемые к этой паре спереди и сзади, он ни разу не понял, отчего стало обидно. По английскому у него в училище была твердая, заслуженная четверка, а боевичков с отстающим одnogолосым переводом он посмотрел в жизни достаточно много, чтобы быть способным воспринимать на слух хотя бы ругань. Но не получалось.

Вздыхая и поочередно искоса поглядывая по обе стороны своего бревна, Роман пролежал точно так же, в той же привычной позе, еще несколько минут, пока впереди не закончили разговаривать. Недолго у них это все же заняло. Слова, звуки шагов и звяканье железа перекрылись взревшим дизельным двигателем, и сразу после этого он снова сунулся вперед на выгданные полметра и осторожно, не сразу, выглянул из-за того же щерящегося заиндевевшими щепками края. Ничего нового впереди не было: стоял высокий военный в том же двуцветном сером камуфляже, в таком же шлеме, но без оружия в руках, махал остальным, не слишком напрягая голос. На глазах Романа бойцы со штурмовыми винтовками полезли в головной «Хамви», водитель которого развлекался, каждые несколько секунд поддавая газа на холостом ходу, отчего получался зверский пульсирующий звук. Высокий на несколько секунд остался один, обводя взглядом окружающее пространство, и сердце екнуло: вот сейчас он почувствует взгляд. Вид у оставшегося американца был уверенный – он ничего не опасался и чувствовал здесь себя как дома.

– Вот же сука, – с почтением пробормотал Роман, сажая торс офицера на мушку. Мушка была непривычно широкая и на такой дистанции частично закрывала цель, но что уж поделаешь. Ну?

К высокому сзади, из прикрытого густо разросшимися кустами сектора, быстрым шагом подошел еще один, пониже и на вид помоложе. Патрон был уже в патроннике пистолета, и, даже обмирая от понимания того, что будет, Роман ждал. Откажyрyет ли подошедший высокому с большим почтением? Назовет ли его вслух «*colonel*» или даже «*general*»? Нет, ни жеста и ни звука, по крайней мере ничего похожего, хотя какими-то словами они обменялись. Ушли.

Выдохнув воздух, он покачал головой и снова произнес про себя те же самые несложные слова. Он испытывал облегчение, смешанное с совсем небольшой долей неловкости. Зачем он потерял столько времени, потратил столько нервов на переживания, если так и не выстрелил? Ясно и понятно, чем бы такая яркая глупость закончилась, но если этот высокий хотя бы подполковник, то даже не самый высокий шанс вклеить ему 9-миллиметровую пулю из «глока» в голову окупал жизнь курсанта с достаточно хорошим запасом. Теоретически, по крайней мере.

Без учета его высоких личностных качеств, хороших служебных перспектив и всего того прочего, что еще пару дней назад считалось определяющим для жизни. Жаль.

Положив ладонь под подбородок и вытянувшись из-под прикрытия, Роман с болью следил, как оба «Хамви» в головной паре, а затем еще несколько машин аккуратно объехали сгоревшие автомобили с телами внутри и двинулись дальше, на ходу набирая скорость. Он понимал, что все сделал правильно, но все равно было обидно. Жизнь не компьютерная «стрелялка», в нее не загрузишься заново... А он не индус, чтобы верить в переселение душ: мол, погибший в гордом и неравном бою станет белым слоном в зоопарке или сразу капитаном индийских ВМФ. На мостике рассекающей теплый Бенгальский залив «Викрамадитьи»⁴. А вокруг сплошные бананы и камасутра... Нет, обидно.

Мимо прошла последняя машина, пятая. Тоже без флагов, флажков или эмблем. Третья и четвертая были без тяжелого вооружения на крышах, а эта снова с какой-то крупнокалиберной дурой. Стрелок смотрел в другую от него сторону, прямо перед собой. Ну да, ему из хвоста колонны не было видно, что тут все остальные столько минут разглядывали. По часам, наверное, недолго – замерзнуть снова Роман еще не успел. Но по ощущениям – гораздо больше, чем хотелось бы.

– Тьфу на вас... Чтоб вам там с нашими встретиться через 5 километров. С одной БМП хотя бы или пусть с папкиным бэтээром. Они вам устроят... проверку визового режима.

Слова прозвучали неискренне. Так бывает, когда приснится что-то неприятное, какой-то свой проступок и еще в полусне пытаешься себя уговорить, что все нормально, что не все плохо. Никогда такое по-настоящему не получается – не получилось и теперь. Вновь ругнувшись вполголоса и убедившись, что звук моторов ушел далеко в северном направлении, а нового ничего не появилось, Роман поднялся с одного колена, сунул свой пистолет в правый карман и начал отряхивать шинель. «Не пригоди-ился!» – с узнаваемым акцентом сказал он себе, надеясь улучшить настроение, но опять не вышло. Чертыхнувшись уже более натурально, он пошел обратно к дороге. До темноты оставалось уже не так много, а ночевка в лесу была малопривлекательной перспективой. Он хотел добраться хотя бы до северных выселок за границами города, где есть живые люди.

⁴ Авианосец ВМС Индии, бывший тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Горшков».

Вторник, 19 марта

*Русская армия не является равноценным противником армии, располагающей современным вооружением и хорошо управляемой.
Заключение германского Генерального штаба о состоянии Красной Армии, декабрь 1939 г.*

Последние очаги организованного сопротивления частей и отдельных подразделений Вооруженных сил Российской Федерации на территории бывшей Калининградской области («Зоны урегулирования К») были подавлены миротворцами еще до конца вторых суток операции, к вечеру понедельника 18 марта. Дальнейшие боевые действия велись уже с полностью дезорганизованными, лишенными управления, не имеющими тяжелого вооружения небольшими группами военнослужащих сухопутных войск, ВМФ и ВВС, а также Пограничной службы ФСБ и Внутренних войск МВД России. И с одиночками. В черте собственно города Калининграда неожиданно сильное сопротивление было оказано миротворцам в районах улицы Сергея Тюленина, Советского проспекта и особенно улицы подполковника Емельянова, где располагались городской военный комиссариат, Балтийский военно-морской институт имени адмирала Ушакова и Пограничный институт ФСБ РФ соответственно. Притом что миротворческая операция началась ранним утром воскресенья, уже в течение нескольких первых ее часов персонал этих трех и нескольких других учреждений сумел провести ряд оказавшихся неожиданно эффективными организационных шагов. Как писалось впоследствии в аналитических документах, «на основе ранее разработанных, утвержденных и отработанных на практике схем антитеррористических мероприятий». Россия вела более или менее горячую войну на Кавказе в течение многих лет. Кавказские борцы за свободу неоднократно проникали в Москву и в довольно крупные города южных регионов, устраивая в них свои акции. Начиная с первых лет 90-х годов XX века во всех военных частях России на стенах штабных комнат висели карты и блок-схемы, расписывающие «порядок действий при...». Как ни странно, но они оказались в какой-то степени эффективны и в ходе самой настоящей военной операции. В трех перечисленных выше случаях мобильные группы межнациональных сил, прибывшие в данные точки для «взятия под контроль» на самом деле не имеющих реального военного значения объектов, сталкивались с жестким и весьма решительным огневым противодействием и во всех трех случаях несли потери. Это было неожиданно и нелепо, потому что персонал военного комиссариата и училищ обладал лишь несколькими единицами автоматического оружия на руках у караула, пистолетами дежурных офицеров и минимальным запасом боеприпасов к ним, больше ничем. Более того, за исключением весьма небольшого костяка офисных работников и преподавателей, то есть фактически непрофессионалов, в сопротивление миротворцам вовлекались призывники, курсанты, в одном эпизоде случайные военнослужащие, проживавшие по соседству и прибывшие буквально «с голыми руками» на звук начавшейся перестрелки. Эффективным такое сопротивление не могло быть в принципе, однако каждый раз неизвестно почему оказывалось именно таким. Показательно, что на полицейские участки в пределах города по плану обращалось гораздо большее внимание: наличие в принадлежащих им зданиях большого числа единиц разнообразного оружия, средств защиты и, главное, подготовленных сотрудников силовых ведомств подразумевало и многократно больший наряд сил. Тем не менее три четверти полицейских участков в Калининграде и его ближайших пригородах оказались взяты под контроль быстро и практически без сопротивления либо с минимальным сопротивлением, не приведшим к потерям среди миротворцев. Опять же нелепой деталью проведенной «адресной» зачистки в рамках данного обширного списка оказалось неожиданно упорное и продолжительное огневое противодействие персонала экспертно-криминалистиче-

ского отдела полиции, расположенного в самом центре города и укомплектованного опять же не профессиональными полицейскими, имеющими опыт «улицы», а фактически дилетантами.

Число жертв среди гражданского населения исходно стремилось к нулю, и значимость этого показателя позиционировалась в ориентировках «Дня 1» как особо высокая. Тем не менее во всех четырех случаях, когда миротворцы наталкивались на превосходящее возможности мобильных групп сопротивление, значение этого показателя изменялось весьма крутым скачком. Разумеется, это объяснялось плотностью городской застройки и нежеланием русских военнослужащих и полицейских снизить риск для гражданского населения. И действием нескольких других факторов, одним из которых являлся фактор времени.

Согласно директиве командующего Европейским командованием США и Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе адмирала Флота США Джеймса Дж. Ставридиса от 18.00, 17 марта 2013 года, *«проводимая миротворческая операция должна преследовать цели быстрейшего взятия под контроль всех ключевых объектов военной, промышленной и гражданской инфраструктуры России с целью минимизации существующего уровня угрозы российских вооруженных сил и российского государства в целом по отношению к любым прочим государствам»*. Разъяснения и комментарии к данной директиве – приведенный выше фрагмент был всего лишь одним из многих – занимали десятки страниц убористого печатного текста. Но эта конкретная вводная была сформулирована на редкость доходчиво, и командиры отдельных частей и подразделений миротворческих сил интерпретировали ее совершенно верно. Руки у них были развязаны. На ближайшее время точно.

– Эй, парень! Парень, ты живой?

Капитан-лейтенант коротко хлестнул курсанта по измазанной штукатурной грязью щеке, мгновенно оценил отсутствие ответа и тут же перешел к следующему.

– Эй, ты! Давай очнись, мать твою!

Далеко сзади глухо ухнуло: где-то из разбитой стены вывалился и вслепую рухнул на землю очередной кирпичный блок. Орудийной стрельбы слышно уже не было, а огонь стрелкового оружия явно затихал уже не только сзади, но и в кварталах спереди, в сторону Клинической улицы, где кто-то держался довольно долго. Почти всю ночь.

– Вода есть?

Женщина, торопясь, принесла из кухни стакан воды, подала на вытянутой дрожащей руке. Капитан-лейтенант глотнул, поболтал во рту и тут же сплюнул, смывая крошки и дрянь, казалось, намертво налипшие на языке. Женщина не сказала ни слова. Умная.

– Как они? – произнесла она вместо этого.

– В отключке. Но живы.

Оба посмотрели на пацанов: у одного поперек лба, чуть спускаясь к левой брови, виднелась грубая багровая полоса, и оба были бледными, как мертвецы, но это все. Ни ранений, ни тяжелых травм. Наверняка десяток ссадин и царапин по всему телу, не имеющих сейчас значения. Но в сознание не приходят.

– Как это с ними случилось? Контузия?

– Я не врач, – коротко ответил капитан-лейтенант. – Но очень похоже.

Он оглянулся назад, за окно. Там что-то ярко и резко вспыхнуло, но грохота не было, значит, не артиллерия. Женщина молчала.

– Хоть этих вытащил, – зло произнес он, только чтобы разорвать молчание. – Хоть что-то...

– А остальные?

– По-разному.

Он поглядел на электронные часы, подсвечивающие угол комнаты зеленым светом. Двое-точие в часах мигало, показывая 04:15. Поставленные в блюдца три свечи давали слишком

мало света. Может быть, поэтому лица пацанов казались такими неживыми. Пульс у них, во всяком случае, был нормальный – сильный и ровный. Как у спящих, если бы он мог сравнивать, пощупав хоть раз в жизни пульс у спящего человека. До сих пор не было такой нужды.

– Много... Там...

Капитан-лейтенант посмотрел на лицо женщины без всякого выражения, но ответить грубо или отвернуться не смог. Очень могло случиться, что, открыв ему и пацанам дверь, женщина совершила фактически подвиг. Очень могло быть, что она спасла им жизнь или хотя бы продлила ее на время. Если бы он не оторвался от преследования с таким-то грузом на плечах... Если бы хуже знал окрестные улицы...

Она что-то прочитала по его лицу.

– Мой в Петербурге учился, – объяснила женщина, в первый раз за все время. – В большом университете, на физическом. Я как увидела...

Молчание было длиной в секунду, но моряк кивнул, словно вычерпал из этой секунды много и много слов. Он тоже запомнил выражение лица женщины. Не выдержал, обернулся на окно снова. Занавеска подсвечивалась изнутри далеким пожаром. Комплекс зданий КВВМУ видно отсюда не было – далеко. Но это явно было училище. Бумаги там много, деревья много, есть чему гореть.

– Что будем делать?

Моряк пожал плечами. Он не знал, что делать. Там – знал или почти знал, там все было яснее. Здесь понимание ушло.

– Через полчаса начнет светать. Мы дождемся?

– Мы?

– А вы что предлагаете?

– Ребят наверняка долго еще трогать нельзя... Если это контузия, то...

– Вы медик?

– Нет, – почему-то смутилась женщина, – не медик. Я преподаватель русского языка в колледже. Но у меня у сына два раза сотрясение мозга было, хорошо, что без последствий. Там каждый раз в бумаги потом записывали, строго спрашивали: на какое время была потеря сознания? На секунды? На минуты? На сколько минут? Вот здесь, у них, сколько уже?

– Уже часа полтора, – честно ответил капитан-лейтенант. – Всю последнюю атаку они были рядом, я видел.

– Атаку...

Женщина произнесла это слово, как всхлипнула.

– Да, именно так. – Он почему-то разозлился, хотя не имел на это права. – Именно. Я не преподаватель русского. Точнее, преподаватель не русского. Радиотехники, если это интересно. Но это была именно атака. Сначала «нахрап», потом они получили по мордам и очень изумленно отошли. Реально удивились. Потом пришли снова, и снова был «нахрап», пусть и вшестеро большими силами. Получили снова, и еще сильнее. Ушли вроде бы бодро. Двадцать минут или около того подождали. Снесли нас артиллерией. Раз, второй. Третий уже не считается – там били в конкретную точку, концентрированно. И вот потому уже пошли настоящие атаки. Я видел.

– Как это... было?

Женщина поправила свечу в одном из блюдец, и та мотнула по комнате резкие тени. Выражение неподвижных лиц обоих курсантов будто изменилось, и он поднялся со своего табурета, наклонился проверить. Нет, показалось.

– Плохо, – глухо ответил капитан-лейтенант. Провел ладонью по усталым глазам, посмотрел на пальцы, будто пытаясь разглядеть что-то в их дрожании. Оно так и не прекратилось, и это его почти пугало. – С самого начала было плохо, а если вдуматься, то и до начала...

Женщина ждала, и он кивнул. Послать ее, с ее бессмысленными вопросами, было неправильно, неверно, надо было ответить хоть как-то. В конце концов она права: с ребятами он никуда не денется, их нужно оставлять. У него пустой автомат и считанные патроны для пистолета. В доме наверняка найдется хороший нож, а лучше два, под обе руки. У него 2-й разряд по самбо. Это было смешно...

Он все же выдержал, не засмеялся и не всхлипнул, хотя момент был страшный.

– Там... С самого начала было плохо, да.

Слова не шли. Он поискал взглядом, и умная женщина снова принесла воды. За все это время лица контуженых курсантов не изменились ничем, не приобрели никакого выражения.

– Они прибыли на нескольких машинах, этого я еще не видел. Рассказали... Встали перед главным корпусом, навели пулеметы на дверь и окна. Несколько человек очень по-деловому сунулись внутрь. Размахивая какой-то бумагой. Очень вежливо предъявили ее. На КПП, представляете? Документ?

Женщина вежливо приподняла брови. Она не поняла, но вежливость была привычной.

– Минуту подождали, очень любезно. И тут на них по главной лестнице бежит караул в полной выкладке.

– Кто первым стрелять начал? – очень тихо спросила женщина.

– В каком это смысле? Еще восьми не было, когда ракеты на военные городки начали падать. К девяти уже пепел от них остывал. Ничего себе вопросик, «кто первый начал?» Китайцы, мля!

Он прикрыл глаза от боли в голове. Боль была неострой, но она распространялась на весь затылок, проникала, казалось, на всю глубину, до самого мозжечка, и не давала нормально думать.

– Я не про это... Там, у вас?..

– Не знаю. Меня там не было. Воскресенье. Кто знает, как оно там было. Но говорили, что они реально обалдели, конечно... Говорили, они тогда как дали задом от КПП, так и легли в дверях. Анекдот!

Капитан-лейтенант помрачнел. Того, кто ему об этом рассказал, уже много часов не было в живых. И погиб он... Нехорошо. Слишком страшно. Человек не должен так умирать.

– Вот в следующие разы я их видел, – все же добавил он, мельком посмотрев на ждущую его слов женщину. – Как киборги.

– Что?

– В броне, в разгрузках, все обвешанные оборудованием: и таким и сяким. Только запасных батареек не хватало. Очень впечатляюще. Очки на касках, как у байкеров.

Теперь помолчали оба. За окном вдруг резко вспыхнуло ярким светом во все небо, и на целую секунду стало так светло, что они пригнулись. Но не было ни грохота, ни звона, а вспышка постепенно угасла. Раздувшиеся занавески опали, чуть перекрыв поток ледяного воздуха, дохнувший на них с улицы, – и пламя свечей в блюде на полу выправилось и встало прямо тремя дрожащими световыми столбиками.

– Что это было? – робко спросила женщина. Моряк пожал плечами: опять напоминать ей, что он связист, а не пехотинец, было глупо. Он не знал, что это было.

– Вы сами... Убили кого-нибудь?

Вопрос был таким неожиданным и странным, что моряк не нашелся, что ответить. Но женщина ждала, и тут ему она впервые не показалась умной. Ему не везло в жизни на умных женщин, и немногих встреченных он, в общем-то, ценил очень высоко. В другой обстановке разочароваться было бы, пожалуй, даже обидно.

– Я стрелял, – глухо произнес он, и собственный голос показался ему искусственным и фальшивым. Чтобы сбить неловкость, он добавил: – Было из чего и было чем. Осталось...

Договаривать не захотелось. То, что осталось от некоторых первых защитников училища, можно было собирать в кучку шваброй, если хватит нервов. Они, вторые, этого не делали, потому что не было времени. Они ломали парты и таскали их к дверям. Били стекла, чтобы не порезаться потом осколками. Пытались наладить связь каким-то из методов: неожиданно в городе тогда прорезалась одна из сотовых сетей. Делали что-то вроде бы нужное, хотя и бесполезное. Два десятка офицеров разного ранга, с просветами разного цвета на погонах, четыре десятка курсантов разных курсов. Потом еще примерно столько же восполнивших убыль почти без остатка. Было еще несколько неизвестно откуда взявшихся в здании гражданских, ведущих себя совершенно не хуже других. Пара женщин: точнее, одна женщина-мичман средних лет, которую он видел в какой-то из разросшихся хозслужб, и одна совершенно зеленая соплячка. Капитан-лейтенант даже не был уверен, что ей уже есть 18 лет, но девать ее было некуда: когда она попалась ему на глаза, у нее уже не было левой ноги по колено, и она непрерывно кричала. Возможно, незнакомая ему дочка кого-то из преподавателей или сопливая возлюбленная кого-то из курсантов, пришедшая спозаранку в ожидании самого начала увольнения. И почему-то не ушедшая, когда еще было можно. То ли собиравшаяся изображать Дашу Севастопольскую, то ли еще кого. Большая была ошибка...

Вообще все произошедшее выглядело как апофеоз сюрреализма. Теперь, остыв и снова включив мозги, капитан-лейтенант четко понял, что оборонять здание БВМИ/КВВМУ надо было минут сорок максимум. Да, пустить кровь первым умникам с их бумагой – вне зависимости от того, парламентареры это были или нет. Раз с оружием, значит, наверное, не парламентареры с формальной, военно-юридической точки зрения... Потом вторым, которых было во много раз больше и кто явно знал, чего хочет. В этом он уже успел поучаствовать и настрелялся, наверное, на всю оставшуюся жизнь. Впервые по людям. После этого, когда они разогнали общими усилиями почти взвод, потеряв в полтора раза большее число своих, но добившись явного и неоспоримого успеха, надо было убежать. Всем вместе, быстро и без оглядки. Забрав с собой столько раненых, сколько можно было унести, и, да, оставив остальных. Оружие проблемой не было, в том смысле, что оружия было настолько мало, что очередь стояла бы из желающих его нести. И еще хуже было с боеприпасами. А после артралета и с оружием, и со всем остальным, что только может прийти в голову из длинного списка, стало еще хуже. Совсем плохо, как он и признался сколько-то минут назад.

Кстати, он так и не понял, почему у них в училище оказались хотя бы те три десятка автоматов, которые он насчитал. И почему все-таки к ним было сколько-то патронов. Столько лет прослужив на одном и том же месте, на одном и том же этаже, он не имел понятия, что в училище есть оружие. Думал, четыре автомата для двух смен караула, и все, остальное – это только пистолеты для дежурных офицеров. Оказалось, нет, в разы больше. Но недостаточно.

– Вам скомандовали уходить?

Он очнулся от своих размышлений и сначала вновь посмотрел на лежащих парней, а только потом на губы заговорившей женщины. Нет, никто им не скомандовал.

– Некому уже было. Контр-адмирала я не видел и не слышал. Он вроде бы где-то на юге города живет, я не знаю. Воскресенье... Не добрался. Командовал сначала дежурный по училищу, капитан 3-го ранга... Потом другой капитан 3-го ранга, с кафедры ракетного вооружения.

– А тот?

Вопрос снова был глупый, до боли.

– Надо было уходить, – ответил он на прошлый из заданных. – Не нужно было эту коробку защищать. Столько ребят погибло...

Они вместе посмотрели на лица лежащих. На улице стало темнее, одна из свечей уронила вытянувшийся вверх фитиль набок и больше моргала, чем светила. Но было понятно, что не изменилось ничего: оба вытащенных им парня так и оставались без сознания. Как он сумел их

притащить один, на себе? Если бы капитан-лейтенант имел комплекцию Карелина или Валуева, вопрос бы не звучал так очевидно. Но он был среднего роста и среднего телосложения, а из спорта, кроме самбо, предпочитал волейбол: летом – пляжный, с осени по весну – обычный. Однако сумел.

– Там уже была зачистка... – невпопад сказал моряк. – От здания ерунда какая-то осталась после второго артналета. Просто ерунда. Ракетчика я потом не видел уже, но какой-то лейтенант вокруг себя собирал людей с оружием. Несколько офицеров, старший мичман, десяток курсантов. Все в пыли, в дыму, в копоти. Даже снега не было – все растаяло от жара. Мы ушли в левое крыло, несли кого могли. Эти за нами... Не вплотную, а так... хорошо на дистанции. И все время снайперский огонь, непрерывно.

Он вздрогнул, не выдержав собственных слов. Снайперский огонь был не стопроцентно метким, но он был плотным и постоянным. Пули били по стенам, по битому кирпичу с резким, злым и тяжелым звуком. В человеческие тела они входили глухо и почти мягко вне зависимости от того, попадали они в мертвых или еще живых. Капитан-лейтенант пережил несколько секунд абсолютно неконтролируемого ужаса, когда надо было перебираться через разбитую стену в коридор, еще не полностью перекрытый пожаром, и несколько человек по бокам от него упали разом, кто молча, кто со всхлипыванием или стоном. И самое обидное, что это не дало им никакой выгоды: пробравшимся через несколько минут пришлось возвращаться назад, потому что пройти так и не удалось. На той же стене потеряли еще кого-то, он уронил уже пустой тогда автомат и секунду боролся с каким-то безумным курсантом, который пытался его забрать себе. Американцев они уже не видели – пули прилетали из пустоты, как будто из другого измерения. Возможно, возвращение тем же маршрутом оказалось верным ходом: человек пять или шесть сумели выскочить. Потом они встретили еще группу, наполовину состоявшую из раненых, продвинулись довольно далеко, снова кого-то потеряли. Один из курсантов вскочил на подоконник, распахнул пинком ноги вроде бы намертво закрытую пустую раму, проорал что-то несвязное, и его буквально вбило внутрь, наверное, пулей. Он свалился, как мешок, в метре от капитан-лейтенанта, и тот еще сколько-то драгоценных секунд не смог двинуться с места: настолько это его потрясло.

Потом в его памяти был какой-то пробел. Про следующие минуты он не мог вспомнить абсолютно ничего. Такое с ним не случалось никогда, а пара похожих раз была совершенно объяснимой: тогда он был моложе на десять лет и изредка «терял уровень» в хорошей компании и по большому поводу. Никого таким не удивишь.

Пришел в себя он в одном из классов, в углу, дававшем защиту. Парты были поломаны и побиты, и от висящей в воздухе штукатурной пыли было тяжело дышать и непрерывно слезились глаза. Одного из противоположных ему углов класса, как оказалось, просто не было. Он был срублен наискосок, и на улицу зияла неровная пробоина полутораметрового диаметра. Через нее тянуло гарью, но еще хуже ею тянуло через разбитую, вывороченную вместе с косяком дверь, поэтому никакой видимой пользы от дыры он тогда не нашел. Звуки были гораздо хуже: снаряды уже не рвались, но стрельбы и криков было довольно много. При этом стрельба была какая-то... деловитая, что ли. Одиночными и короткими очередями. Именно по делу, а не «на воспреещение» или «на подавление». Не «на испуг».

В пределах видимости от осознавшего себя сидящим на корточках у плинтуса капитан-лейтенанта обнаружилась неравномерная россыпь стреляных гильз несколькими «лужичками» там и сям. Одна из них была буквально под ногами, и он тупо перевел взгляд на автомат. Потертый брезентовый ремень «АКМ» оказался намотан у него вокруг кулака левой руки, причем так сильно, что размотать его удалось с трудом, а в коже он оставил глубокие борозды. И еще в том же классе, среди обломков учебных столов и обрывков учебных пособий лежали убитые. Он насчитал двоих и еще поразовался тому, что это мало. Потом ему пришло в голову, что это он мог их застрелить, и мысль тут же снова ввергла его в панику. В глазах начало

темнеть, но капитан-лейтенант, несмотря на всю свою сиюсекундную отупелость, очень четко осознал: сейчас он снова потеряет разум, и на этом все закончится. Его здесь или где-то рядом пристрелят, как и других, а он не сможет ничего, он не будет ни видеть, ни слышать. Удержаться он сумел, хотя это стоило прокушенной кисти руки – левой, уже помятой ремнем, которую не так жалко. Первым делом он отомкнул магазин, проверил. Нет, пуст. Повинуясь почти безотчетной привычке, проделал вколотенные еще даже не с курсантских, а со школьных времен движения – нет, в патроннике тоже было пусто. При этом запах от автомата был такой, что сомнений не оставалось: много он из него успел настрелять. Все, что было. Потом он сделал еще одну разумную вещь: подобрал несколько гильз с заброшенного мусором пола. Выглядели они, на взгляд моряка, совершенно привычно, но на доньшках он обнаружил одинаковые давленные надписи «.223 REM» и на противоположной стороне полукруга – четыре латинские литеры, соединенные попарно значком &. Значит, не от «калашникова».

Эту глубокую мысль он обдумывал непозволительно долго, минимум с полминуты. При чем даже пытался отбросить ее сначала как невозможную, но разум опять выручил: не дал испытать облегчения. С кряхтением поднявшись, капитан-лейтенант сначала вразвалку, а потом уже более цепко обошел тот же класс, куда его забросило. Наклонившись над мертвым курсантом с совершенно серым от пыли лицом, он внимательно его осмотрел. Да, несколько входящих пулевых по корпусу, крови под телом много, и она выглядит полностью свернувшейся. Что это значит: после его смерти прошел час? Может, и так, но это тоже не значит ничего: он мог прийти в этот кабинет много позже. И, скорее всего, так и было, потому что иначе он тоже лежал бы убитым.

Капитан-лейтенанта передернуло, по телу прошла волна озноба. Машинально он выдернул из сжатой кисти руки курсанта рожковый магазин к «калашникову», посмотрел. Сколько-то патронов было. Снова смешно, будто он подобрал бонус в компьютерной «бродилке». Интересно, что оружия у убитого не было, а магазин был. Почти полный или хотя бы полупустой, это тоже более чем хорошо. Снова потратив несколько секунд на прислушивание к звукам, доносящимся с улицы и изнутри здания, через коридорную дверь, он перешел к другому убитому. Тоже курсант. У этого ничего ценного в сложившейся ситуации нет. Ни действующего паспорта гражданина Эстонии, ни четырехствольного гранатомета, ни даже такого же магазина. Капитан-лейтенант перевел тормозящий взгляд на первый и только теперь обратил внимание на то, что тот изгваздан кровью. Это было плохо: может попасть в механику. Выбрав чистый участок на форме лежащего у его ног мертвеца, он равнодушно и тщательно вытер магазин о ткань. И вот от этого очнулся окончательно.

– Эй... Эй!!

Он поднял голову на женщину и не сразу сообразил, где он и что происходит. Совпадение было пронзительным – очнуться тогда и очнуться сейчас. Заснул он, что ли? Понятно, что в этом не было бы ничего удивительного, но...

– Что? – хриплым голосом переспросил капитан-лейтенант.

– Мальчик очнулся.

Было глупо переспрашивать, какой, он просто посмотрел по очереди на обоих. Да, один очнулся, открыл глаза. Мыслей в них пока не было, но лиха беда начало.

– Хорошо, – прокомментировал моряк, понял, что сказал глупость, и замолчал снова. Женщина, впрочем, не обратила на него внимания, пошла и быстро вернулась с очередным стаканчиком с водой. Смешной был стаканчик: из тонкого стекла, с яркой переводной картинкой в виде герба какого-то города: стоящего на задних лапах медведя. То ли Берлин, то ли Владимир.

– Слышишь меня? – негромко спросила женщина лежащего без движения парня.

– Да... – неожиданно ответил тот и тут же начал давиться воздухом, закатывая глаза. Женщина подхватила его свободной рукой, отведя вторую, со стаканом, далеко в сторону.

Капитан-лейтенант сообразил помочь, и это сработало: приподняв верхнюю половину тела контуженого курсанта, они помогли ему прокашляться. Попив, тот сплюнул почти сплошной грязью и попросил еще воды. Оживал он все больше. Сможет ли он двигаться через час? Когда начнется настоящий рассвет, а лучше и до него, надо будет что-то решать с дальнейшими действиями. Пока офицер откладывал это «на потом», но с тоской чувствовал, что тянуть дальше было уже невозможно. Надо было делать хоть что-то.

Курсант снова попил и снова выплюнул все прямо себе на грудь, прочищая горло. Его лицо чуть потеряло исходный белый оттенок, но это могло и показаться. В блюде с дерганьем и треском догорал фитиль еще одной свечи.

– Как тебя зовут? – спросила женщина мягким голосом, погладив парня по грязной щеке.

Капитан-лейтенант моргнул, снова ощущая себя тупым. За все это время он не догадался спросить ее о том же самом либо представиться сам.

– Дима...

– Меня Антон.

Женщина обернулась к нему от курсанта на секунду, кивнула.

– Меня Женя. Евгения. Владимировна.

Капитан-лейтенант сморщил нос, чтобы только не улыбнуться. Педагог – это диагноз. Как она сказала, «русского языка в колледже»? Женя, надо же...

– Дима, ты помнишь, как тебя... Это...

Тот молчал довольно долго.

– Плохо помню, – признался наконец он тем же хриплым, не подходящим его совсем молодому лицу голосом. Но зато в голосе были интонации, значит, точно оживает. – Было... Артиллерией, да?

Капитан-лейтенант кивнул, но потом понял, что парень его плохо видит, и просто подтвердил, что да.

– А мичман где?

– Который?

– Ну... Старший мичман... Евтюхов или Евстюхов, я точно не помню... Который со «стечкиным» был.

Антон отвесил челюсть до самого нижнего из возможных положений. «Старший мичман с АПС» был концепцией сюрреалистической и невозможной в принципе. Они были военно-морским институтом, в прошлом высшим военно-морским училищем, а не бригадой морской пехоты. Или какой-нибудь номерной группой морского спецназа, известной лохам как «Морские дьяволы», «Тритоны» и так далее: телесериалов про них сейчас снимали больше, чем сохранилось самих таких групп на всех четырех флотах. Старший мичман с незнакомой ему фамилией, имеющий автоматический пистолет, у них, в их институте – это ерунда... Бредит парень? Последствия только-только начавшегося отходняка от контузии, как бы это ни называлось правильно медицинскими терминами. Типа отек от ушиба извилин спадает, но еще не спал полностью?

Все это промелькнуло в его голове ровно за секунду. Потом капитан-лейтенант вспомнил про загадочные тридцать с лишним автоматов, которые он видел собственными глазами и которых не должно было быть, и согласился, что случается всякое. Еще раз: он служил в этом здании многие годы. Он мог не знать каждого мичмана или даже офицера, но, оказывается, он не знал и многого другого. Жаль.

– Нет, не помню такого. А что он?

– Он нас всех организовал. Мы держались в правом крыле, довольно хорошо. Когда они дали артиллерией в первый раз, мы... Мичман очень четко командовал. Лейтенанту из школы техников он таких пинков дал, когда тот с катушек поехал... Отобрал пистолет, отдал курсанту

с первого курса, здоровому такому: у него ножка от парты была и еще нож-выкидуха откуда-то...

Капитан-лейтенант коротко покосился на женщину, которая слушала, обалдев. От него она таких подробностей не дождалась, а вот курсанта понесло. От облегчения, вероятно.

– То есть это был пистолет офицера?

– Не, у офицера он нормальный «макаров» отнял... Но он бы и с голыми руками его отнял, с таким не поспоришь... Я о чем: этот мичман, которого на «Е» фамилия, реально все держал. А когда они прорвались...

Курсант Дима замолчал, и капитан-лейтенант молча кивнул сам себе. Он отлично понял, о чем идет речь. «Держались» значило, что, когда караул перебил наглых разведчиков или забывших оставить в тылу оружие парламентариев, эта группа занималась тем же самым, что и все остальные: таскала мебель и готовилась встретить следующих, настоящих. Поучаствовала в отражении «попытки номер два», этот раунд моряки провели почти на равных, что несомненно ввергло многих в большой оптимизм. А дальше... Никакого штурма цитадели Брестской крепости в стиле видеоряда свежего белорусского фильма не было. Половину обороны снесли первым же артиллерийским ударом, попробовали оставшихся и, как только снова пошли потери, добавили еще. А потом рывком прошли вовнутрь, и пошла уже зачистка. Хотя в итоге еще один или два полных цикла получились в каком-то из мест: ползть, откатиться, добавить артиллерией, ползть снова, уже более настойчиво...

– До ближнего у вас доходило?

– Не... В смысле до огневого доходило, до совсем ближнего нет.

– Повезло.

Женщина перевела взгляд на него и посмотрела так... Капитан-лейтенант опустил глаза. В полумраке это было не так уж и сложно. Он не помнил, почти не помнил. Немного помнило тело, мышцы. Голова уже выкинула это из себя, чтобы защититься. Он не хотел помнить.

За окном громко простучала короткая, на четыре патрона, очередь, и все трое обменялись быстрыми взглядами. Точнее, намеками на взгляды, потому что теперь гореть осталась одна свеча из трех и в комнате стало уже совсем темно. Стреляли совсем рядом, в каких-то десятках метров. Из чего было непонятно, но выходить и уточнять не хотелось.

– Товарищ капитан-лейтенант.

– А?

– Это вы меня вытащили?

– Он, – ответила вместо моряка женщина. – И тебя, и вот еще его...

– Спасибо.

Антон молча кивнул и в который раз потрогал лежащего за шею. Он ничего не понимал в медицине такого уровня, который тут явно требовался. Не было ни малейших признаков того, что второй контуженый придет в себя. Пульс был вроде бы ритмичный и наполненный, дыхание ровное, но это было все, что он мог понять. Который час лежащего без сознания курсанта требовалось везти в стационар. Делать рентген головы, снижать внутричерепное давление и так далее на много и много пунктов, о которых он имел очень смутное представление, сформированное в основном отрывочным просмотром сериалов «Интерны» и «Склифосовский».

– А как меня... накрыло?

Интересное слово парень употребил. К месту. Их всех накрыло, кого больше, кого меньше. Этого больше многих и меньше еще большего числа многих, если можно так выразиться.

– Я понятия не имею, – честно ответил он. – Не помню ни единого момента. Уже как тащил, помню.

Женщина что-то отразила на лице, и капитан-лейтенант неожиданно чуть не взорвался от ярости. Преподаватель русского языка в колледже. Кому она мысленные замечания делает, ему?

– Да как ташил! Сам охренел, можешь поверить. Навьюченный был, как ишак. Двое вас и автомат.

– Пустой?

– Да уж не полный.

Ответил он грубо, не удержался. Время уходило, а он сидел здесь как дурак. С одной извилиной от фуражки.

– Ты сможешь встать? – прямо спросил капитан-лейтенант курсанта. Тот посмотрел с некоторым удивлением: возможно, считал, что теперь окружающие должны пожизненно о нем заботиться.

– Я не знаю.

Голос у контуженого был все еще ненатуральный, неправильный. «А кто знает?» – захотелось ответить ему, но не понадобилось. Парень очень аккуратно приподнялся: женщина ему изо всех сил помогала, а сам он критично наблюдал. Да, ничего. Не стошнило, во всяком случае.

– Я буду уходить, – неожиданно для самого себя сказал капитан-лейтенант. – Минут через пять. Евгения... – Он не вспомнил отчество, запнулся, но тут же приказал себе не обращать на эту ерунду внимания. – У вас в доме найдется пустая пластиковая бутылка, не самая большая? А еще лучше стальной термос.

Отпустившая сидящего теперь курсанта женщина встала с таким видом, будто вот сейчас начнет командовать или, во всяком случае, «высказываться» во весь голос, но этого не произошло. Может быть, сама догадалась, а может, мешала все более частая стрельба за окном. Звучащая чуть дальше, чем в прошлый раз, но становящаяся понемногу довольно густой. Короткие очереди, сдвоенные и одиночные выстрелы. «Голоса» оружия моряк не различал, хотя честно попытался. Вроде бы один из стволов был гораздо более громким и впечатляющим, чем все остальные, но это могло означать что угодно. То ли что это более крупный калибр, как он и решил в первый момент, то ли этот конкретный стрелок просто был ближе других.

– Это в училище?

Курсант явно был не салагой, институт училищем из своих называли многие, но из курсантов – именно старшекурсники.

– Нет, много ближе. Вдвое. И в другую сторону вообще-то.

Ушедшая женщина вернулась, на ходу глядя в сторону того же окна и заметно горбясь. Возможно, ждала пули, которая прилетит из-за занавесок. Возможно, очередного злого, неуместного в ее доме слова.

– Вот.

Не термос, пластиковая бутылка квадратного сечения, с вырисованными яркими красками елками на этикетке. Уже с водой.

– Спасибо, – с чувством произнес капитан-лейтенант. Вода стоила дорого, это он уже понял, а уже через часы это поймут еще тысячи людей в этом самом городе. Очень может быть, что женщина прекрасно понимает это сама, и «уже».

Он улыбнулся собственной мысли: тому, как поставил кавычки в своем воображении. Было совершенно ясно, что с его разумом что-то не в порядке, но само это осознание радовало. Настоящие психические больные на это вроде бы не способны.

Курсант по имени Дима уже стоял на своих двоих и падать в обморок не собирался.

– Фамилия, факультет? – поинтересовался капитан-лейтенант. Новую интонацию парень уловил безошибочно, поставил ноги вместе и что-то такое привычное даже отразил на лице.

– Курсант Иванов, 4-й курс, факультет ракетного вооружения надводных кораблей.

– Вольно. На случай, если не помнишь меня, – капитан-лейтенант Дмитриев, радиотехника. Какие есть предложения, курсант?

– Нет предложений, товарищ капитан-лейтенант.

– Свежо... У меня острых идей тоже немного. Но двигаться надо. Оружие есть, и даже на обоих. На плечах погоны. Дальше ясно?

– Так точно.

– Я предлагаю уходить из города. Добираться до Полесска.

– Почему?

– В городе будет худо. Мы первый крупный город, считая от границы. Здесь порядочно будет вооруженных одиночек в шинелях и бушлатах разных цветов, и они дадут гостям курнуть бамбука в самую пропорцию.

– Чего?

Капитан-лейтенант посмотрел на курсанта повнимательнее. Почти каламбур был: курсант Дима и офицер Дмитриев. Молодой совсем парень. Ну да какая разница... Погоны надел, присягу принял – все, претензии не принимаются.

– В городе может быть легче.

– Может, – капитан-лейтенанту было нечего возразить. – Но, может быть, и нет. Лично я даже представить себе не могу, как здесь будет. Но я вот и такого вчера представить не мог...

Некоторое время все трое переглядывались с тупыми выражениями на лицах, как настоящие малолетние идиоты. Потом не выдержал курсант:

– А что в Полесске?

– МЧПВ⁵. Вроде бы 49-й дивизион.

– Не слышал про такой.

– Потому что мелочь. Отдельный дивизион пограничных сторожевых катеров. Будь у них два эсминца или БПК, ты бы там практику проходил. Но дело вообще не в тоннаже, не о нем речь. Мне кажется, это просто в нужном направлении. И не к южной границе, и не к северной. И не к Зеленоградску со Светлогорском. Чутьочку посвободнее будет дорога, если можно так сказать.

– Калининградскому особому району конец?

– Ух, сформулировал... – капитан-лейтенанту потребовались усилия, чтобы изобразить на лице иронию, а не выматериться, грязно и многосложно. – Нас всех голыми взяли. Тепленькими, в постельках, как в сорок первом. Какой особый район, чем его оборонять после того, как мотострелки и морпехи попали под первый удар? Личным составом базы технического имущества флота? Ремонтного завода военной техники? Баз хранения ее же? Ну, ты понял уже... Раз атомная война сразу не началась, то теперь только партизанская война, только. В максимальном масштабе. В городскую я верю, не дурак. Но надо быть реально местным. Ты местный?

Он вдруг понадеялся, что курсант Дима скажет «да» и тогда многое станет проще. Но парень отрицательно помотал головой, очень осторожно.

– Я местная, – вдруг довольно спокойно произнесла преподавательница. – Я здесь и родилась, и выросла. В школу вон ту ходила, наискосок во дворе. – Она мотнула головой в сторону окна.

Офицер пожал плечами. И это тоже не имело никакого значения. Действующих факторов все равно было слишком много, предугадать развитие ситуации в приложении к себе самому было невозможно в принципе. Попытка уйти из города может стать фатальной: они почти в самом центре, даже до городской окраины еще топтать и топтать. А на улицах почти наверняка блокпосты, плюс мобильные группы. Вооруженные и ежесекундно готовые работать по краду-

⁵ Морские части пограничных войск.

щимся по улицам и переулкам людям в чужой военной форме. И что это даст им, если они доберутся до цели, тоже совершенно непонятно. Даже если отдельный дивизион моряков-пограничников еще цел и боеспособен к данной конкретной минуте, он не сыграет никакой роли в этой войне. Причем ни в одном из возможных вариантов: то ли она перерастет в глобальный обмен ядерными ударами в любой следующий момент, то ли война будет «конвенционной», без ОМП, но протянется отсюда и до Владивостока, то ли противник всего лишь ставит перед собой задачу вернуть в лоно Европы Калининградскую область. Он не имел понятия.

– Можете остаться у меня, – предложила женщина, не дождавшаяся его реакции. – По крайней мере до следующей ночи.

И опять он не знал, что ответить. А время шло. Ночь закончится, и при свете дня передвигаться будет сложнее. Возможно. А возможно, и нет, потому что враги наверняка имеют хай-тек-оборудование, которому что день, что ночь: а они в темноте будут выглядывать из-за каждого угла, как две слепые мышки. Оставшись в доме приютившей их храброй женщины еще на день, кормясь ее запасами, можно получить «пару очков здоровья», если пользоваться знакомой терминологией любителей компьютерных игр – «бродилок». Особенно важных именно контуженому курсанту. Может очнуться и второй, кстати говоря, и не предскажешь, в каком он будет состоянии. Но жизнь – это не компьютерная игра, вот уж банальность...

– Товарищ капитан-лейтенант? Мы идем?

Он снова обвел взглядом все три лица: женщины, курсанта Димы, неподвижное лицо безымянного парня, лежащего на полу без сознания. Он не знал, что делать. Если командир дивизиона пограничных сторожевых катеров имеет хоть каплю разума, на прорыв к Клайпеде он пойти и не подумает. Будет действовать на месте, на каком-никаком приморском фланге войск. Все-таки это моряки.

Капитан-лейтенанту стало стыдно. Он понятия не имел, что делать, а от этого зависела уже не только его собственная жизнь.

– Да, идем.

Вторник, 19 марта

*Арбитр – это постороннее лицо, которое приглашается, чтобы
признать нашу правоту.
Американская поговорка*

Штабная колонна вошла в Великие Луки сразу после полудня, на полных 3 часа отстав от графика. После повторной проверки периметра командующий 1-й бронетанковой дивизией генерал-майор Дана Питтард вышел из бронированной машины и уже через несколько секунд вбежал в подъезд светлого белокирпичного школьного здания, выбранного для размещения его штаба на ближайшие двое суток. Несмотря на суету на всех трех этажах, несмотря на беготню десятков специалистов с грузом электроники в руках, он наметанным глазом ухватил главное: работать уже можно. Мобильный командный пункт при всех его плюсах имел и свои минусы, а сам генерал Питтард был на удивление старомоден. Он старался по возможности работать из стационарного, хорошо оборудованного помещения, придавая защищенности уже второстепенное значение.

Офицер в ранге капитана провел генерал-майора через просторный холл первого этажа по коридору, по лестнице и снова по коридору, не обменявшись ни одним словом ни с торопящимися людьми, ни с ним самим.

– Здесь, сэр.

Питтард задержался перед дверью кабинета на одну секунду, вчитываясь в подзабытые буквы кириллического алфавита на надраенной латунной табличке. Впрочем, и так можно было догадаться. Какой еще кабинет в средней школе будет разделен на две части, с самого начала имея полноценную приемную? Дверь стальная, тоже хорошо; у двери часовой, поприветствовавший командира дивизии оружием. В приемной вместо мордатой некрасивой русской секретарши несколько молодых офицеров и специалистов быстро заканчивают сбор и наладку многочисленных систем связи, автоматических систем управления и так далее и тому подобное. Стоящих многие миллионы долларов. Позволяющих объединить растекающиеся по шоссе, дорогам и городам северо-запада России подразделения его дивизии в единое целое, в живой и мобильный организм. Похожий на стальную многоножку, каждый сегмент туловища которой отличается от соседнего собственным набором броневых пластин, ходильных ног и прочих инструментов выживания и нападения. Связанный каскадами электромагнитных импульсов с другими сегментами – такими же или послабее.

– Специально не убрали?

– Убрать, сэр?

Генерал Питтард улыбнулся.

– Да зачем же, пусть будут. Даже к месту.

Капитан вежливо улыбнулся. Напротив рабочего стола директора школы висели два портрета: Владимир Путин, со своим привычным взглядом исподлобья, снятый на фоне трехцветного русского флага, и кто-то незнакомый. Мужчина с неглупым лицом, немного полноватый, в белой рубашке и черном галстуке, но без пиджака. Располагающий к себе. Портреты были без подписей, и, кто на втором, Питтард не мог даже догадаться.

– Связь?

– Уже вся, сэр.

– Доклады?

– Пару минут, сэр.

Капитан вышел из кабинета, оставив дверь в приемную полуоткрытой. Иначе было никак: от оборудования, установленного непосредственно на его стол и на второй, журнальный сто-

лик в дальнем углу, тянулись толстые жгуты проводки. Черные, белые, ярко-желтые провода с наклейками и торчащими ярлыками – все это еще больше усиливало возникшую у него аналогичию с «многоножкой». Красивой, сильной и быстрой. Очень быстрой.

Аккуратно приподнимая ноги, он подошел к окну, на всю высоту закрытому плотными шторами, почти не пропускающими свет. Все яркое освещение в кабинете было искусственным. Сдвинул край шторы вбок – снаружи, как и ожидалось, оказался двор. Отлично. Вернув штору на место, генерал так же по-аистинному прошагал к своему рабочему месту, уселся в дорожное кресло и быстро подстроил его высоту и расположение спинки под себя. Никаких оставшихся от прежнего хозяина лишних деталей на столе уже не было: ни фотографий, ни записочек. Стояла пустая кофейная кружка, его собственная, лежал желтый деревянный карандаш с ластиком на конце и совершенно чистый блокнот для записей, это все.

– Капитан?

– Да, сэр? – Молодой офицер заглянул в дверь.

– Я жду доклад от 1-й бригадной боевой группы в течение пяти следующих минут.

– Да, сэр.

Генерал-майор удовлетворенно кивнул. Когда этот парень говорит «да, сэр» таким тоном, это означает, что все идет неплохо. Что снаружи не ломаются в двери русские парашютисты. Что «маршрут следования» от места, где он в последний раз имел сеанс связи с бригадными боевыми группами и конкретными батальонами в их составе... Оттуда и до двора этой школы... Что этот маршрут не уставлен плавающими «Страйкерами». Но «неплохо» вовсе не значит «идеально». Все совершенно не было идеально, и это заставляло его непрерывно испытывать напряжение. Было бы глупостью предполагать, что будет иначе, но рост интенсивности сопротивления русских частей и подразделений был очевиден. Первые людские потери дивизия понесла в десятке миль от границы русского анклава, первые безвозвратные – в двух десятках, первые потери в технике – уже на территории континентальной России. Это были отправные точки некоей «диаграммы Ганта», но с тех самых пор в его голове невидимо откладывался уже полноценный линейный график: столько человек – санитарные потери, с расщеплением на легкораненых и раненных тяжело; столько – безвозвратные. Техника, включая легкую гусеничную технику, колесные бронированные машины, колесные транспортные машины, пилотируемые и беспилотные летательные аппараты разных типов. Ни одного танка дивизия еще не потеряла, но иллюзий генерал-майор не питал: если русские начали по одному и по два жечь «Страйкеры» и грузовики, появление всей остальной номенклатуры его техники в списках поврежденных и уничтоженных машин всего лишь вопрос времени и дистанции.

Он знал, как далеко расположены Великие Луки от одной границы, от другой границы, от обеих русских столиц, от ближайших крупных русских городов. Это был значимый узел коммуникаций, взятие которого позволяло бригаде пересечь важнейшую рокадную дорогу: региональное шоссе Р51/Р57. Интересно и показательно, что более крупное шоссе М20/Е95 – точнее, его сегмент южнее Пскова – уже потеряло свое значение для русских: подразделения миротворческих сил уже перехватили его в нескольких местах. 35-я пехотная (механизированная) дивизия – южнее Пскова, 1-я кавалерийская и 12-я механизированная дивизия Бундесвера – в районе Опочки, его собственная 1-я бронетанковая дивизия – в районе Великих Лук. А ведь «М» в индексе шоссе это значило «Москва»!

Совершенно нельзя сказать, что этот первый, самый примитивный успех, достигнутый на территории опять же континентальной России, то есть вне территории ее бывшего западного анклава, был достигнут руководством межнациональных сил легко, просто и без неожиданностей. Как и ожидалось, сопротивление русских стало осознанным уже через часы после нападения. По-прежнему неорганизованным, спорадическим, но именно осознанным. Все без исключения боестолкновения первых часов операции проходили по одному и тому же сценарию: одиночки или малые группы русских военнослужащих, вооруженных легким стрелковым ору-

жием, открывали огонь по миротворцам. Иногда – довольно квалифицированно выбрав позицию, но это все. После этого следовал «розыгрыш стандартного положения», заканчивающийся уничтожением фанатиков, изредка пленением одного или нескольких. Через несколько часов пришлось вести уже полноценный общевойсковой бой с остатками боеготовых русских подразделений, расквартированных в анклав, но это был особый случай. Еще через несколько часов обнаружились свидетельства появления того самого «осознанного сопротивления», которое Дана Питтард имел в виду. Снова засады на дорогах, снова попытки навязать огневой бой на ближней дистанции, зачастую в условиях городской или сельской застройки. Группы русских военнослужащих разных родов войск: от пограничников до строевых моряков, не морской пехоты. Отделения и даже взводы, иногда явно хорошо сколоченные. Попытки вести бой организовано, выделяя при организации засадных действий огневую, отвлекающую и сковывающую группы и тому подобное. Первые случаи использования мин разных классов, в том числе управляемых. Первые попытки использовать бронетехнику – бронетранспортеры и бронированные боевые машины разнообразных типов. Причем использовать именно для боя, а не как транспортное средство, несущееся на восток на полной скорости. Слава богу, пока немногочисленные эпизоды применения русскими реактивных гранатометов по любым целям, попавшим в пределы их досягаемости: по легкой бронетехнике, невооруженным транспортам, живой силе, ударным и прочим вертолетам. Потери.

1-я бронетанковая дивизия Армии США пересекла Калининградский анклав Российской Федерации по дорогам, максимально удаленным от основных очагов сопротивления, наискосок через юго-восточную его оконечность. Но и этого хватило, чтобы у многих сформировалось предчувствие: да, потери точно будут. Разумеется, для такого заключения не нужно быть гениальным прорицателем: понятно, что проведение миротворческой операции на территории России – это совершенно не то же самое, что ее проведение на территории Югославии и тем более Гренады или Панамы. У русских есть современная ПВО, некоторое количество современной авиатехники всех классов и очень, очень много всего прочего. Но одно дело – видеть это на бумаге, с деловым видом записывать в блокнот отдельные вводные из видеопрезентаций на десятках брифингов подготовительного этапа, и совсем другое – ожидать кожей, что вот сейчас русские проснутся и бросят на тебя все, что у них есть. Или пусть почти все, потому что часть уже сожжена первым ударом, захвачена в полусотне километров от границ на обнесенных колючей проволокой «базах временного хранения военной техники» без аккумуляторов, боеприпасов, электроники, без экипажей, наконец. Ну, вот сейчас они придут в себя, оправятся от неизбежного первого шока. Торопливые техники в измазанных черными жирными пятнами комбинезонах уже свинчивают переходники с заправочных горловин топливных баков, специалисты по вооружению бегут вдоль крыльев боевых самолетов, гроздьями выдергивая оранжевые и красные страховочные ярлыки предохранителей из корпусов авиааркетов. Моторы уже ревут – сотни и тысячи моторов, – пилоты уже катят свои машины по рулежкам, напряженно вслушиваясь в скороговорку в эфире; земля дрожит под весом сотен танков и бронированных самоходных орудий, начавших свое движение от стен своих обжитых боксов на территории десятков военных баз. Вот сейчас, сейчас начнется! Мы уже взяли Калининградскую область, уже превратили ее в Зону урегулирования «К». Мы уже высадили десанты на Сахалине, Камчатке, в стратегических точках на побережьях Японского, Охотского и Берингова морей. Мы, 1-я бронетанковая дивизия, уже прошли Литву и Латвию, сожгли опустевшие пограничные заставы в том месте, где Новорижское шоссе упирается в Европу. Тремя растопыренными в стороны остриями бригадных боевых групп мы последовательно прошли Себеж, Идрицу, Пустошку, Новосокольники, это больше ста миль по русским дорогам и по бездорожью! Где вы? Где ваш удар? Где ваша армия, которую мы, граждане цивилизованного мира, боялись столько десятилетий, потом начали презирать, но все равно по привычке боялись? Почему на нашем пути нет никого, кроме отдельных бойцов с ручными пулеметами и штур-

мовыми винтовками, а в других, самых поздних по времени случаях – нескольких отделений, взводов, пусть сводных рот под командованием младших офицеров? Нескольких БТР и МТ-ЛБ? Ну? Пора?

И знаете, что самое важное? Ожидание русского контрудара и неизбежное крупномасштабное приграничное сражение, с сотнями единиц потерянной боевой техники всех видов, с расходом стоящих многие миллиарды долларов боеприпасов, с гибелью в бою тысяч – впервые за десятилетия – тысяч своих солдат и офицеров... Все это было приемлемым для военного и политического руководства государств, запустивших крупнейшую миротворческую операцию в истории, сделавших ее реальностью. Лишь бы не было другого, лишь бы русские не решились на применение любого из компонентов их обширного арсенала оружия массового поражения либо всех их вместе. А они не решились, как и было обещано военным с самого верха. И теперь наверняка не решатся, потому что кто сказал «А», тот скажет и «Б». Так ведь, кажется, говорят? И не каждому генерал-майору, очень не каждому, известны в подробностях или хотя бы в обзорном виде факторы, сыгравшие ключевую роль в том, что так оно и случилось и что так оно и будет. Но можно догадаться, потому что позади у них Ирак и Ливия, и позади Югославия, и в целом позади Афганистан. И уже ясно, насколько для многих становится очевиден выбор между «тебя повесят перед телекамерами» и «будешь доживать в комфорте», когда это уже перестало быть неочевидной, отдаленной теорией, когда война уже началась. Именно это, именно *возможность* такого выбора сломила столь многих в военной иерархии Саддама, и это оказалось очень серьезным подспорьем крылатым ракетам! Да, разумеется, нельзя не признать, что славяне отличаются от арабов ментальностью, но последние десятилетия, как ни смешно это звучит, весьма способствовали освоению верхушкой российского общества «арабского образа жизни». Продавай нефть – и у тебя будет белый верблюд, с горба которого ты будешь плевать на всех... А к белым верблюдам в собственности, оказывается, так легко привыкнуть... Если вложить годы в поиск подходов к ключевым людям в политической и военной иерархии противника и подкрепить подходы к ним без преувеличения неограниченным бюджетом с одной стороны и совершенно недвусмысленными примерами с другой... Понятно, что это сработает отнюдь не во всех случаях. Но если принцип сработает хотя бы в нескольких ключевых узлах длинной цепочки, делающей каждую существующую на земле державу способной защитить себя, исход столкновения предрешен. И очень может быть, что этот этап у них уже позади.

В глубине души генерал-майор Дана Питтард полагал, что именно в этом причина того, что русские еще не нанесли по нему масштабный удар. Они всегда были мастерами в *combined arms*⁶. Русские общевойсковые операции Второй мировой войны и их собственной афганской войны, их без преувеличения блестящие наработки по взаимодействию родов войск составляли почти половину тем «разборов» в ходе освоения им соответствующих дисциплин в нескольких военных учебных заведениях. Он не сомневался в том, что, когда русские выберут время и отпустят сжавшуюся пружину, их контрудар будет масштабным и страшным. И это не гипербола, не способное привлечь внимание заскучавшей телеаудитории слово – именно таким он и станет. Но он был готов, и текущие минимальные потери ориентировали его и его штаб, позволяли предугадать мишень ближайших русских атак, будущую реакцию на них его собственных людей. Ответ политиков Вашингтона и Москвы на эту реакцию, не имеющий для него никакого значения сам по себе, но способный отразиться в движениях обеих военных машин.

К середине вторника, 19 марта, дивизия потеряла несколько грузовиков и уже целых четыре «Страйкера» в четырех независимых боестолкновениях. Как уже упоминалось, во всех случаях они проходили практически по одному сценарию: плохо или сравнительно грамотно

⁶ Здесь: именно в значении «общевойсковая операция, взаимодействие родов войск».

организованная засада, короткий этап не слишком эффективного огневого воздействия, после чего разыгрывается «стандартное положение», как говорят в спорте. Наддвигающимися колоннами висели тактические БПЛА и разведывательные либо разведывательно-ударные вертолеты, причем Питтард без колебаний выделил на прикрытие маршевых колонн бригадных боевых групп и тылов дивизии практически три четверти собственной и приданной вертолетной техники. Он разумно предположил, что, пока русские не нанесут контрудар, такой вариант ее применения является оптимальным. Пилоты и операторы «Апачей Лонгбоу» получали боевой опыт в практически тепличных условиях: в работе по относительно незащищенным целям, в том числе именно по одиночным мобильным небронированным или легкобронированным объектам. То есть формат боевой работы являлся практически профильным, но реализовался не вплотную к линии боевого соприкосновения, а вне ее. В этих обстоятельствах весьма неожиданным было то, что собственная авиабригада дивизии уже тоже несла потери в людях и технике, причем худшие пришлось на 127-й авиабатальон обеспечения⁷. В одной из всего нескольких оказавшихся относительно эффективными засад инсургенты сумели сжечь или серьезно повредить несколько транспортных единиц батальонной колонны роты «штаба и снабжения», включая сразу три автоцистерны, явно ставших их приоритетными целями. Еще одной такой целью оказался автобус, перевозящий технический персонал батальона, и какой-то умник уже приписал к докладной записке заключение о том, что данный эпизод возможно использовать в пропагандистской работе армейского отдела по связям с общественностью. Девять раненых, и еще один скончался от ран до прибытия квалифицированной медицинской помощи. Все без исключения нападавшие были уничтожены грамотными, хотя и запоздавшими действиями эскорта, и данный эпизод, таким образом, тоже ложился в общий ряд. Но неожиданным было иное. Вечером понедельника один «Апач» 1-го батальона 501-го авиационного полка входящей в состав дивизии бригады военной авиации оказался тяжело поврежден с большой дистанции. Двумя почти одновременными попаданиями снарядов русского реактивного противотанкового гранатомета. Питтард видел фотографии и читал краткое заключение эксперта из числа авиационных специалистов, приписанных непосредственно к штабу дивизии, – эта машина не подлежала восстановлению. Однако тяжело раненный пилот сумел посадить «Апач», и машина, таким образом, не считалась «потерянной». Более важным Питтард счел второе оперативное заключение, имеющее не технический, а тактический характер. Подписавший его офицер ВВС сделал вывод о том, что это была именно противовертолетная засада – в противном случае невозможно было объяснить направленность огня. Генерал Питтард был не вполне согласен со столь далекоидущим выводом, сделанным из минимума данных человеком, не просто не участвовавшим в этом бою, но даже не побывавшим на месте позже. По его собственному исходному мнению, скорее всего, русский гранатометчик с навыками снайпера (или два таких гранатометчика) ждали транспортную колонну, но при появлении в небе ударных вертолетов они провели «переоценку ценностей» и приняли совершенно верное в данной обстановке решение из категории опять же «осознанного сопротивления». То есть не затаиться и лежать, а открыть огонь по противнику, даже при очевидном неравенстве сил. Однако уже следующий эпизод показал генералу, что он мог быть не прав! В 8 часов 5 минут утра сегодняшнего дня еще один боевой вертолет того же 1-го батальона был сбит попаданием ракеты переносного ракетно-зенитного комплекса, почти без сомнений отнесенного к типу «Грааль»⁸. Причем сбит именно находясь в прикрытии транспортной колонны, далеко позади головных элементов соответствующей бригадной боевой группы, а значит... Значит, офицер ВВС был прав, а он нет. Появление на поле боя русского ПЗРК было очень значимым фактором. «Апач Лонгбоу» являлся чрезвычайно

⁷ Придаваемые дивизиям Армии США авиабригады (точнее, бригады военной авиации) состоят из штаба/штабной роты, авиационного полка четырехбатальонного состава и авиационного батальона обеспечения.

⁸ ПЗРК «Стрела-2» или «Стрела-2М».

живучей, хорошо бронированной машиной, а русский «Грааль», как всегда считалось, имел недостаточную боевую эффективность. Однако это несоответствие не сработало в данном конкретном случае, и можно было ожидать того, что так будет иногда случаться и дальше, что потери увеличатся. Сбитый вертолет упал в одно из многочисленных в этой местности озер, затонул, и тела пилота и оператора вооружения до сих пор не извлекли. Было неясно, погибли ли они при попадании ракеты или оставались живы, пока перекошенный от удара десятков поражающих элементов бронированный кокон не увлек их на глубину нескольких метров...

К полудню, то есть еще до его прибытия в город, оперативный отдел штаба 1-й бронетанковой дивизии представил имеющую традиционную форму докладную записку. Понесенные потери в технике и людях были ожидаемыми и даже меньшими, чем планировалось. Но, пробегаая взглядом по абсолютным числам и по долям процента в одних и других графах, командир дивизии продолжал недовольно хмуриться. Меньшими, чем планировалось, эти потери были пока просто потому, что русские не нанесли ни одного удара, ни на одной позиции не выстроили оборону силами более полнокровной роты. Ни разу! 35-я пехотная (механизированная) дивизия уже получила опыт сражения с русскими кадровыми частями «лицом к лицу» и выиграла его с практически «сухим счетом», пользуясь преимуществом первого удара подавляющей массой артиллерии и ракетных систем. Здесь, у него, сражение еще не начиналось, хотя штаб 1-й бронетанковой дивизии был уже в Великих Луках – не самом маленьком русском городе и далеко не самом первом по счету от границы. При этом на данном направлении была расквартирована масса русских подразделений, о которых он знал все: его оперативная карта пестрела десятками пометок, каждая из которых обозначала батальон постоянной готовности или кадрированную часть, десяток самоходок или эскадрилью боевых вертолетов. По некоторым из этих целей уже вторые сутки били и били ВВС, добиваясь больших и малых успехов, и неся при этом собственные потери. Но ни разу пока все эти эскадрильи, батальоны и даже полки не встали на его пути. Наверняка уже получившие вооружение и боеприпасы с собственных складов, пополненные резервистами до штата или почти до штата, закиданные приказами и лозунгами, на которые русские такие мастера, не встали. Вместо этого русские отходили. Дергая его точечными уколами, лишь каждый третий из которых вливался в статистику потерь его дивизии одним или несколькими ранеными, одним или несколькими поврежденными или уничтоженными грузовиками, очень редко – серьезно поврежденной или уничтоженной боевой машиной. И это вызывало у генерала все более стойкое чувство тревоги.

Проблема была даже не в том, что подобные потери не демонстрировали своей «окупаемости» или «обоснованности» в глазах людей, не являвшихся профессиональными военными. Они были как бы сами по себе, они не являлись неизбежным грузом на весах, в противоположной чашке которых лежали явные достижения: десятки и сотни сожженных вражеских танков и бронемашин, горы убитых в бою вражеских солдат и толпы их же, взятых в плен. А история наглядно показала, что захват у России части территории тоже не самое главное. Они умеют делать этот фактор обратимым, отбивать свою территорию назад. Или умели раньше. Проблема была в том, что он не верил в тотальную потерю силы воли русским командованием и в массовое дезертирство русских солдат до первого же реального масштабного сражения именно «лицом к лицу». Причем проведенного даже не по сценарию первого удара по калининградскому анклаву, а именно «в поле»: «Джи-Ай» против «Ивана», «М-16» против «АК», «Абрамсы» против «Т-72», «Т-80» и «Т-90». Русские что-то задумали, и это заставляло генерала и его штаб осторожничать. В противном случае к послезавтрашнему дню он был бы уже во Ржеве. И более того, штаб 7-й армии и штаб Межнациональных миротворческих сил его настрой разделял полностью и безоговорочно. В очередном, десятом или пятнадцатом по счету коротком разговоре за последние сутки генерал-лейтенант Марк Хэртлинг сказал ему: «Без колебаний отходи назад, если надо». А ведь Дана Питтард отлично знал, не мог не знать, какому тяжелому давлению подвергается Хэртлинг со стороны политиков, которым нужен только темп

продвижения и тысячи уничтоженных танков и солдат врага. Которые не представляют, что такое «огневой мешок» или «огневая засада» в формате, экстраполированном до уровня одно-моментного и массового применения ядерного или химического оружия.

Данные спутниковой и авиационной разведки, подкрепленные данными информационного перехвата, наглядно показывали, что русские действительно отходят, но ведь они не могут не понимать, что на отходе они бесполезно теряют технику и живую силу. Подвергаясь ударам ВВС, раз за разом реализовывающих в местных воздушных боях свое численное преимущество и более высокий уровень подготовки. Выходя из-под «зонтика» объектов ПВО на шоссейные и местные дороги, где шансы ударных машин НАТО нанести им значимый урон резко повышались. Планируют ли они то, о чем он думает с таким страхом?

В сложившихся обстоятельствах, в условиях осторожного продвижения вперед при минимальном противодействии, у Питтарда было оправдание низкому уровню активности своей артиллерии. Артиллерийские системы, состоящие на вооружении дивизии, не способны были действовать на требующуюся дистанцию, их нужно было подтягивать ближе. Но это совершенно не входило в планы командующего дивизией, который собирался беречь их как зеницу ока. Русские ракетные войска и артиллерия являлась родом войск, который он в высшей степени уважал, и не в последнюю очередь за численные показатели. Одного полновесного удара находящихся под рукой огневых средств русским могло хватить на то, чтобы превратить его четкие и эстетичные планы и графики в полный кошмар, в многостраничные однообразные списки убитых в бою, пропавших без вести в бою и раненных в бою солдат его дивизии. И если русские сохранили хотя бы долю своих систем наведения и хотя бы часть системы управления и контроля, они ударят не по броне. Не по пресловутым «Абрамсам», и даже не по уязвимым «Страйкерам», а именно по его собственной артиллерии. После чего сложившийся баланс резко переменится: если не в их пользу, то, во всяком случае, в сторону равновесия сил. Но ни малейшего шанса он им давать не собирался. Именно планомерное, полное, не терпящее исключений уничтожение всех обнаруженных мобильных пусковых ракетных установок и позиций ствольной артиллерии было приоритетом его ударных боевых групп: замедление скорости продвижения было ценой, которую он был готов платить за это с удовлетворением и готовностью.

– Генерал, сэр?

– Да!

Снова вошедший в комнату капитан взял со стола наушники с головным микрофоном, подал ему. Питтард быстро надел наушники на голову, отрегулировал положение микрофона перед губами и провернул колесико переключателя на гарнитуре. Капитан тем временем включил видеоэкран и провел по покрытому зеленым бархатом столу компьютерной мышкой, проверяя соединение. Кивнув капитану, командир 1-й бронетанковой дивизии ввел многозначный пароль, высветившийся на экране цепочкой звездочек. Серый треугольник дивизионной эмблемы сразу стал золотым, синим и красным, а затем снова блеклым, не мешая работать с документами.

– Гладиатор.

– Готовые первыми – Гладиатору, – произнес ему в уши спокойный голос человека средних лет. Этот голос был давно знаком генералу Питтарду, и сейчас он потратил секунду, не ответил сразу, чтобы попытаться услышать в нем какие-то новые интонации. Не услышал.

– Докладывайте. Сперва об авиаударе.

Снова пауза в секунду – полковник Эдджи на ходу перетасовывал окна на синхронизированном экране, менял их расположение, открывал все новые и новые.

– Позвольте поправить. Не собственно «авиаударе» соло. Комбинированном ударе: авиа и броня.

На своей стороне эфира генерал Питтард приподнял брови. Вот этого он еще не знал. То ли это, чего он ждет? Быстро выдернув планшет из мягкого гнезда сумки, он нажал на кнопку питания, и экран тут же осветился. Мгновение – и он убедился, что командир 1-й бригадной боевой группы его дивизии был совершенно прав: на тактической карте, охватывающей тысячу квадратных миль, впервые ярко высветились иконки «живой» русской бронетехники вплотную к подразделениям его дивизии. Впервые за двое с лишним суток.

Карта центровалась на нескольких безымянных озерах, сгруппированных вокруг городка Невель. «Готовые первыми», 1-я бригадная боевая группа растянулась почти на 55 миль по оси северо-запад – юго-восток, от восточной окраины Невеля и до города с непривычным названием Велиж. На 3-ю и 4-ю группы, «Горцев» и «Бульдогов», приходился в совокупности фронт почти такой же длины, загигающийся от западного побережья озер еще одной группы, расположенных восточнее Великих Лук и гораздо более крупных, строго на север в сторону Локни. Это наглядно иллюстрировало приоритетную боевую задачу дивизии на ближайшие сутки. Понятно, что никакого «фронта» в виде окопов и линий колючей проволоки не было и не могло быть. И понятно, что русские выбрали именно 1-ю группу, уже «освоенную» ими к этому времени, понесшую первые потери еще в Калининградской области и затем следующие, неожиданные, в Прибалтике, во время форсированного марша через замершие в шоке и восторге города Литвы и Латвии. Полностью европейские и неожиданно оказавшиеся не способными полностью нейтрализовать инсургентов.

– Слушаю.

– Даже собственно авиаудар был комбинированным. Шесть «Хайндов» и по крайней мере один «Хокум» ударили с минимальной высоты по моему передовому отряду, это я уже докладывал. Наши потери оказались минимальны, но они фактически нейтрализовали имевшиеся в моем распоряжении мобильные средства ПВО и успешно пробили низковысотный коридор для восьмерки «Фенсеров»⁹. Очень синхронная работа.

– Так.

Генерал не собирался давать какие-то комментарии на этом этапе доклада, он впитывал информацию, уже не самую новую, но впервые цельную. Это был первый русский авиаудар «фронтного» ранга за двое с лишним суток с момента начала операции. После целой серии «стратегических» ударов дальними и средними бомбардировщиками, в том числе нескольких подряд ударов высшей степени эффективности, заставивших кое-кого из штаба ВВС очень сильно удивиться, а целую группу других «кое-кого» и поплатиться должностью.

– Наш предварительный вывод – это то, что «Фенсеры» шли с неполной загрузкой. Видимо, они поднялись с относительно далеко расположенной базы. Но наше расхваленное «господство в воздухе»... Нам не просто обещали «господство», нам га-ран-ти-ро-вали, что каждый русский ударный самолет, поднявшийся в воздух западнее Уральских гор, будет идентифицирован вовремя. Что на каждый будут наводить голодных до медалей и славы ребят там, наверху, в синем небе.

– Я жду, – ровным голосом произнес генерал Питтард, уже догадываясь, к чему полковник подводит. К тому, чего еще не было на его экране, что всегда занимало больше всего времени.

Тот назвал цифру. Подождал, пока она дойдет, и назвал другую и затем третью.

– Могло быть хуже, – тем же ровным голосом отметил командир дивизии. – Могло.

Тон дался ему без большого труда, хотя никому совершенно незачем было об этом знать. Он произнес совершенно честные слова – все действительно могло быть хуже.

⁹ В условных обозначениях НАТО, «Hind» («Лань») – транспортно-боевой вертолет «Ми-24»; «Hokum» («Обманщик») – боевой вертолет семейства «Ka-50»/«Ka-52»; «Fencer» (точнее «Fencer-D», «Фехтовальщик») – фронтальной бомбардировщик «Су-24М».

– Дальше.

– Немедленно после авиаудара русские нанесли удар броней.

– Наконец-то.

– Совершенно верно, «наконец-то». Но ровно в худший момент. В момент, в минуты, когда я вынужден был вспомнить слово «дезорганизация».

– Это сильное слово. Я давно не слышал его в приложении к подразделениям Армии США. И, прости меня Бог, я надеялся, что никогда его не услышу в приложении к собственной дивизии. Как это произошло?

– Генерал, сэр, это заняло минуты, как я и сказал. Но удар «Фенсеров» пришелся точно по противотанкистам, а синхронизация их действий вновь оказалась весьма... – Полковник помолчал, не нашел слова и продолжил уже с новой фразы.

– Таким образом, выстраивается очень интересная цепочка. «Хайнды» и их драгоценный одиночный «Хокум» пробили коридор, и «Фенсеры» выложили свою боевую нагрузку на роту «F», едва развертывающуюся с марша. Не на ударные «Страйкеры», а именно на M1134 ATGM¹⁰. Я напому: мы до сих пор не видели ни единого «живого» русского танка в поле, притом сколько их у них на Европейском ТВД. Рота «F» потеряла часть сил и средств и не смогла противодействовать русскому удару с ожидаемым уровнем эффективности. В то же время...

Генерал-майор быстрыми движениями пальца перекидывал фотографии на сенсорном экране. Да, «в то же время». В принципе даже одни противотанковые средства пехоты способны не дать русским реализовать свой потенциал, пока не окажутся исчерпаны. А учитывая, сколько у них *может* быть танков, такой вариант не является совсем уж фантастичным.

– Удар собственно брони пришелся по 4-му батальону 17-го пехотного полка, уже успевшему развернуться в боевые порядки. В целом русские не проявили большой настойчивости. К моему удивлению. Потратив такие значимые усилия, получив отпор и потеряв несколько машин, но все же добравшись до средней дистанции и начав обмен огнем, они довольно быстро отошли.

– Вы этого не ожидали?

– Я этого ожидал.

Дана Питтард представил себе лицо говорившего. Полковник Кен Эдджи, светлоглазый, светловолосый и коротко стриженный, щекастый, как ребенок. Он был немного похож на немца, а немцы всегда были хороши на войне, ему ли не знать.

– И все же общие потери оказались достаточно велики.

– Да, генерал, сэр. Достаточно велики.

Понятно, что отрицание было бы не лучшим вариантом. Они все знали, что колесная боевая бронированная машина M1126 «Страйкер», во всех ее вариантах, широко представленных в батальонах и отдельных ротах их дивизии, не слишком устойчива к боевым повреждениям. Даже с неполной загрузкой русские «Фенсеры» в двух последовательных заходах выложили на разворачивающуюся роту «F» 12 тонн свободнопадающих бомб и полсотни крупнокалиберных неуправляемых ракет, за считанные минуты ополовинив противотанковые возможности 1-й бригадной боевой группы Эдджи. Можно было представить, какое это произвело впечатление на солдат и даже на офицеров дивизии, прошедших уже по несколько войн и *ни разу в жизни* не побывавших под авиаударом противника. А потом на тактических экранах командиров рот и взводов появились русские танки, и было совершенно непонятно, сколько их и что будет дальше. И вот тогда Эдджи принял совершенно верное решение – отходить, и добился его мгновенного исполнения. И русские как бы отбили несколько километров своей территории, а потом уцелевшие из них тоже отошли.

¹⁰ От M1134 Anti-Tank Guided Missile Vehicle – вооруженный противотанковой ракетной установкой BGM-71 TOW вариант американской колесной боевой бронированной машины «Stryker».

- Что вы считаете лучшим из случившегося? – поинтересовался командир дивизии.
- Простите?
- Лучшим. Или, перефразируя, самой хорошей новостью во всем этом.
- Силу русского удара, – без колебаний ответил ему полковник Эдджи. – Однозначно.

Десять основных боевых танков – это сила, которая раздавит пехотную роту в поле, как кувалда, но это же ничто, по сравнению с их и нашим потенциалом. Десять – это полноценная рота, но это все. В первом ударе. Комбинированном: ударные вертолеты – ударные самолеты – броня – вновь ударные вертолеты, прикрывающие отход брони.

- Разведка боем.

– Именно так, сэр. Именно к этому заключению мы пришли. Но дорогостоящая разведка. Не вполне уверен, что она для русских окупилась. Возможно, не начавшееся наступление?

Он сделал паузу, выжидая проявления какой-то реакции командира дивизии, не дождался и продолжил:

– Если и да, то наступление локального масштаба. Не имеющее никакого военного значения. Демонстративная акция.

- Еще раз?

– Демонстративная акция, – отчетливо повторил Кен Эдджи. – «Мы такие, мы еще можем». Проведенная вплотную к границе с Беларусью. Стоившая им одного вертолета и восьми современных танков.

- «Т-72»?

- Разумеется.

Оба помолчали. У русских было полторы тысячи «Т-72» в войсках и еще семь с половиной тысяч на хранении. Даже притом что половина не могла быть расконсервирована и введена в строй в сколько-нибудь обозримое время, а часть баз хранения была уже захвачена миротворческими силами, это было в разы больше, чем общее число танков в Европе, включая американские. За неделю боевых действий дивизия уничтожила «длинной рукой» не более чем 15 русских танков – все до единого относящихся к разным подтипам их основного боевого танка второго поколения «Т-72». Генерал-майор Дана Питтард напомнил себе: он командует 1-й бронетанковой дивизией, пафосно именуемой «главной ударной силой» того, и другого, и третьего. Миротворческого контингента, участвующего в операции «Свобода России». Армии США в Европе. 7-й армии США. В его распоряжении был один танковый батальон в составе 4-й бригадной боевой группы и второй такой же батальон, входящий в состав 2-й группы, перманентно находившейся в Техасе в течение многих лет, и лишь сейчас перебрасываемый в Европу. Генералу, прошедшему Ирак и видевшему танковые марши и танковые атаки «во весь горизонт», было больно на это смотреть. Окажись русские способны двинуть на него хотя бы две сотни основных боевых танков зараз – и 100 % исхода столкновения будет зависеть именно от «длинной руки»: от «Апачей Лонгбоу», входящего в состав бригады полнокровного авиаполка, от придаваемых дивизии и совершенно независимых от нее средств загоризонтного поражения. Но, как ни странно, собрать 200 танков в один кулак они в текущем 2013 году уже вряд ли могут. Их танковые войска – бледная тень былого: всего одна танковая дивизия и одна танковая бригада полного состава в Западном военном округе, обе расквартированы вплотную к Москве. А в танковых батальонах их мотострелковых бригад всего по 40 машин. Всего...

Питтард невесело усмехнулся сам себе. Слово «всего» было настолько неверным, что это заставляло чувствовать во рту кислый вкус. Встреча его дивизии с любой известной ему русской мотострелковой бригадой в секторе наступления 1-й бронетанковой должна была проходить по давно отработанным сценариям, типы которых соответствовали тому, приняли ли русские встречный бой, встали ли они в оборону и какой ее вариант выбрали: быстрое чередование статичных и маневренных фаз боя либо их классическое «зарыться в землю за минными полями». И один, и другой, и третий, и все иные варианты не давали русским много шансов. В

каждом случае доступные Армии США современные средства технической разведки заблаговременно вскрывали их позиции, штаб дивизии определял приоритетность целей, после чего начинала работать «длинная рука»: ударные вертолеты и артиллерия.

– Демонстративная акция, – медленно и с выражением повторил командир дивизии. – Стоившая им одного вертолета и восьми танков. Проведенная практически на границе с Беларусью. Да, я подумаю над этим. При этом броня была «сама по себе», в отрыве от мотопехоты и, например, мобильных средств ПВО?

– Да, именно так.

– Притом что они наверняка имеют весьма полное представление о том, кто им противостоит, и соответственно о числе «Апачей» непосредственно в нашем распоряжении?

– Да.

Оба помолчали, и Питтард явно почувствовал, как напряженно размышляет на дальнем конце эфира его собеседник.

– Хорошо, – наконец заключил он. – Что-нибудь еще?

– Да. По-прежнему весьма высокий темп потери разведывательных БПЛА всех классов. Основная причина – огонь стрелкового оружия.

– Это ожидаемо.

– Совершенно верно, ожидаемо. Но неожиданным является именно объем потерь. Вспомни Ирак. Саддам раздал по «калашникову» с мешком боеприпасов каждому задрипанному милиционеру. В отдельных случаях там имела место совершенно беспрецедентная плотность огня по разведывательным БПЛА. То есть именно по неспособным к немедленному ответному удару объектам. И почти никакого результата. Сколько-то мы теряли сбитыми, но совершенно незначимые цифры, сравнимые с объемом потерь по небоевым причинам.

– Там была пустыня: песок на земле, песок в воздухе. Смазка превращалась в желе. Авиадвигатели всех типов изнашивались с дикой скоростью, электроника сбоила от жары и того же песка. Здесь этого нет и в помине, и потери по небоевым причинам минимальны. Да и техника явно стала лучше.

– Уверен, дело не только в этом. Еще раз, я привожу не только относительные цифры, но и абсолютные.

– Вывод?

– Русские умеют стрелять. В отличие от арабов.

Питтард фыркнул, не постеснявшись. Русские были способны на много разных штук, которые отличали их от арабов. В конце концов, они конструировали и даже до сих пор производили свои собственные танки, самолеты, вертолеты и крупные боевые корабли, а не только покупали их за нефть. Да, можно было поверить и в то, что они умеют стрелять из своих «калашниковых».

– Я очень прошу не смеяться, генерал, сэр. Мы читали те же самые аналитические записки все последние месяцы и годы. Русские фактически табуировали стрелковое оружие. Практика с собственным стрелковым оружием даже в мотострелковых войсках традиционно сводится к минимуму. Владение пистолетом или револьвером строго запрещено совершеннолетним, законопослушным, принимающим участие в голосовании гражданам, в том числе отслужившим по призыву или контракту. В том числе офицерам их собственной армии и полиции во внеслужебные часы. Чтобы купить паршивое гладкоствольное ружье для охоты на уток, человек должен месяцами прыгать с русскими рублями в зубах. В любом эпизоде самообороны с применением оружия – в том числе, кстати, холодного – оборонявшийся по умолчанию признается виновным. И так далее. Вы помните этот анализ? Среднестатистический русский призывник в принципе не может метко стрелять. Так нас убеждали.

– Я слушаю внимательно. Хотя, на мой взгляд, последняя минута моего времени была потрачена напрасно.

– Я прошу прощения, генерал, сэр. Я уже закончил. Это было мое частное мнение.

– Хорошо, Кен. Я принимаю его к сведению именно как частное мнение о невысоком уровне анализа данного конкретного аспекта, проведенного на подготовительном периоде операции. Теперь о целом. Работа «Готовых первыми» меня устраивает. Темп продвижения хороший, потери более чем приемлемые даже с учетом этого удара. Дисбаланс в отношении применения «Страйкеров» и артиллерии я по-прежнему поддерживаю. Что касается противотанкистов... Рота «F» нарвалась по объективным причинам: русские нас несколько расслабили. Да, у них все еще есть «Фенсеры». К слову, из всех ударов высокоточным оружием по силам и средствам их ВВС собственно «Фенсеры» наверняка имели низший приоритет – это самые старые из их сухопутных ударных самолетов. Но у них есть и много чего еще. Штаб группы переварил девятичасовую сводку об ударе оперативно-тактическими ракетами по штабу 48-й бригадной боевой группы?

– Да, сэр. Я был впечатлен.

– Вот именно. Тот же термин. На этом фоне потери офицерского состава роты «F» выглядят довольно блекло. Не то, чтобы я на что-то намекал. Это я так призываю вас быть осторожными.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– Конец связи, Готовые Первыми.

– Конец связи, Гладиатор.

Генерал Питтард стянул с головы наушники и, чтобы не вставать, положил их прямо на стол. Одновременно с разговором он успел проглядеть несколько новых документов с грифом срочности и даже ответить на некоторые из них. За следующие минуты он проработал еще несколько. Собственными глазами посмотрел на сводную таблицу потерь БПЛА по всем трем бригадным боевым группам и по отдельным ротам своей дивизии. Проверил показатели готовности всех батальонов 501-го авиаполка, они по-прежнему были почти стопроцентными. Обменялся несколькими короткими депешами с руководителями отделов своего штаба в режиме мультитача, пользуясь и стилусом, и клавиатурой. Большинство командиров дивизионного звена традиционно работали в «тесных прокуренных комнатах», непрерывно общаясь в перекрестном режиме: то, что называлось *round-robin*. Но он был, наверное, большим индивидуалистом, чем многие другие, и значительную часть командной работы осуществлял, находясь в своем кабинете один, благо современные технологии это позволяли.

За окнами сухо и негромко стукнуло несколько раз подряд, и Дана Питтард тут же, не раздумывая, выдернул из кобуры пистолет и отработанным до автоматизма движением дослал патрон в патронник. Полминуты тишины, и через массивную дверь, непонятно зачем нужную директору русской средней школы в его или ее кабинете, начали пробиваться голоса. Там вообще стало довольно шумно, и он не выдержал, поднялся со своего места и первым делом подошел к окну. Осторожно отодвинув тот же самый край занавески, что и в прошлый раз, он убедился, что во внутреннем дворе школы ничего необычного не происходит. Прямо напротив его окна были здоровенные окна крытого спортивного зала, завешенные поперечинами «шведской стенки» и почему-то крупноячеистой сеткой, как на старых парусных кораблях. Сквозь окна противоположной стороны зала тоже ничего особенного не просвечивало. Голоса за дверью не стихали, и он, отпустив занавеску, двинулся туда. Подумав, прежде чем открыть дверь, он сунул пистолет обратно в кобуру, машинально проверив положение предохранителя.

– Генерал, сэр?

– Что происходит?

Он сразу увидел, что дело пахнет чем-то нехорошим. Это была отлично знакомая каждому взрослому человеку тень на лицах.

– Ну?

Вошедший из коридора капитан произнес несколько довольно неожиданных слов, и генерал Питтард запнулся на половине шага. Потом, решившись, он все же вышел, а капитан последовал вплотную за ним. Часовой за дверью директорской приемной выглядел довольно напряженно, и командир дивизии кивнул ему успокаивающе. Парень не знал, в чем дело, но серьезно относился к своим обязанностям, к своему долгу.

Снова переходы, коридоры с широкими окнами. В простенках – застекленные рисунки цветными карандашами, восковыми мелками и яркими красками. Две трети рисунков изображали детей и их родителей в разных жанровых сценах, на остальных были лошади, собаки и коты, как это и бывает в рисунках детей всего мира. Перед входом оказалось довольнолюдно, но при его появлении половина офицеров и сержантов тут же начали расходиться по своим делам, демонстративно прижимая к ушам коммуникаторы, перелистывая бумаги в папках и так далее.

– Где?

Капитан обменялся несколькими словами с первым лейтенантом, и тот, оборачиваясь каждые несколько секунд, провел их обоих мимо вывороченной металлической вертушки и через двойные стеклянные двери наружу. Солнце, оказывается, светило ярко, и генерал-майор приостановился на секунду на ступенях, чтобы дать привыкнуть глазам. Первый лейтенант провел их мимо одного поворота, мимо другого, повел по выложенной из плиток дорожке между слякотными пространствами по бокам. Деревья были голыми и навевали тоску даже в середине такого отличного яркого дня. А ведь это был конец марта! В это время года зелень в его родном Эль-Пасо уже начинала выгорать.

– Здесь.

Ну да. То, что это «здесь», было видно довольно издалека. Снова группа людей. Снова часть, заметив его, тут же уходит, хотя уже не с таким деловым видом. Неожиданно стало зябко: то ли от наполненного влагой ветра, то ли от зрелища. Женщина и собака, лежащие в метре друг от друга. Довольно много крови.

– Лейтенант, очень коротко.

Кивнув, волнующийся лейтенант начал рассказывать о произошедшем. Винтовка почему-то мешала ему говорить, и он наконец убрал ее за спину.

Периметр временного штаба дивизии, разумеется, в несколько слоев обвесили датчиками. В конце концов, они были на окраине чужого города, не так давно захваченного пусть без боя, но у противника. Видеомониторы подтвердили, что одно из срабатываний было истинным, и к нарушенному периметру быстро выдвинулась тревожная группа в составе трех стрелков. С группой добровольно вызвался следовать приданный штабу дивизии офицер Сухопутных войск Вооруженных сил Эстонской Республики, имени которого Питтард даже не знал. Через пару минут бега наводимая по радио группа вышла на нарушителя, и эстонский капитан немедленно открыл огонь.

Питтард посмотрел на оба лежащих перед ним тела снова, потом обернулся к эстонцу.

– Одна минута на объяснение, – потребовал он.

– Я решил, что они могут представлять угрозу, сэр, – произнес капитан на вполне удовлетворительном английском. – Собака...

Собака была немецким боксером. Судя по тому, как она лежала, ей даже не пришлось в голову пытаться защитить хозяйку от угрозы: огонь был открыт с большой дистанции.

– А девочка?

– Я не знал, что...

– Девочку застрелили потом, – громко и отчетливо сказал сбоку один из двух стоящих боком к группе капралов.

– Сэр...

– Заткнись. Даже если бы ты назвал меня черножопой образиной, ты не смог бы удивить меня больше. Капрал, говорите.

Скупно жестикулируя кистью свободной руки, капрал показал, кто как бежал, и перечислил, кто, что, в какой последовательности делал.

– Глупая девчонка наверняка решила по-быстрому выгулять своего пса, – буркнул он под конец. – Там дальше дыра в заборе, а все вокруг прикрывают кусты, хотя сейчас это не слишком работает. Ей надо было сидеть дома, но она наверняка решила рискнуть, потому что в городе тихо, вообще без стрельбы. Попыток защитить город не было, а слишком смелых полицейских быстро перебили. Или она вообще еще не осознала произошедшего. В конце концов, прошло всего-то несколько часов, как город взят.

– Сэр, она тоже могла представлять угрозу. Вот, посмотрите.

Эстонец наклонился к убитой, и Питтард сначала даже не понял, что он делает с ее поясом. Потом капитан разогнулся и протянул ему грязную, замусоленную двцветную ленточку, сначала сложенную в виде банта, а теперь растянутую вдоль. Три черные полосы, две оранжевые и едва видный оранжевый кант по обоим краям.

– Вы знаете, что это такое?

Капитан выглядел довольно уверенным в себе, и снова переведший на него взгляд Дана Питтард отрицательно покачал головой.

– Это символ советской оккупации.

– Что?

– Оккупации. Такие ленточки уже много лет носят те русские, кто поддерживают оккупацию Прибалтики и демократических государств Европы, предпринятую советскими войсками в 40-х годах, кто отрицает их преступления.

Питтард снова пожал плечами. Он понятия не имел, что именно имеет в виду эстонец, но в голову влезла смутная ассоциация об IRA – Ирландской Республиканской Армии. Сочувствующие этой террористической организации обыватели вроде бы действительно носили какие-то там знаки и символы, выражая свою моральную поддержку боевикам.

– Вы увидели эту ленточку и поэтому выстрелили?

– Эта русская шлюха демонстративно...

– Я задал вопрос. И я не люблю, когда мертвых 17-летних девочек называют шлюхами.

– Нет.

– Что ж, ответ дан быстро, спасибо и на этом. Капрал!

Тот же капрал, что оказался свидетелем произошедшего, протянул руку, но, к всеобщему удивлению, капитан вывернулся в сторону и положил винтовку на ладонь. Второй из капралов, белокожий, немедленно переступил на пару футов вбок и прицелился эстонскому офицеру в затылок. Что понравилось генералу – не изменив при этом выражения лица ни на секунду. Оба офицера его штаба встали рядом, и неадекватный капитан тут же пришел в себя.

– Это оружие вручила мне моя страна! – нараспев произнес он, отведя руки в стороны. Питтард опять фыркнул. Он служил всю жизнь, но понятия не имел, что Эстония производит «М-16».

Чернокожий капрал отобрал у эстонца винтовку, второй из капралов страховал его тем же стопроцентно действующим манером, пока процедура не закончилась. После этого Дана Питтард потерял к произошедшему всякий интерес. Он не сомневался, что его ребята все сделают как надо: они знали последовательность необходимых в данной ситуации действий, по крайней мере теоретически. И то, что местную девчонку застрелил чужак, полностью исключало приходящие на ум варианты. Можно предположить, что быстрый на язык и быстро работающий спусковым крючком капитан отделается достаточно легко, ну, да и бог с ним. Зато к нему самому и к его людям претензий пока нет и быть не может.

Уже возвращаясь назад, к ждущей его работе, командир дивизии усмехнулся. Фраза «я решил, что они могут представлять угрозу» была практически идеальной. Ее надо было обязательно запомнить.

Вторник, 19 марта

«Eclipse» – самая дорогая и самая большая яхта в мире! Владелец яхты является знаменитый бизнесмен Роман Абрамович, который спустил яхту на воду летом 2009 года. «Eclipse» по совместительству является и самой роскошной яхтой в мире. Специально для этого судна Романом были приобретены 35 произведений современного искусства, на яхте установлена ПРО (противоракетная оборона), а также лазерная система, препятствующая съемке яхты видео- и фотокамерами. Кроме «стандартного набора» для суперяхт (кинотеатр, спа, бассейны, танцпол, фитнес, парикмахерская, сауна, баня, vip-каюты), на судне можно найти маленькую подводную лодку, которая может незаметно отчалить с днища корабля.

Длина яхты составляет 167 метров, а максимальная скорость 38 узлов, что делает «Eclipse» еще и самой быстрой суперяхтой. Стоимость яхты составила 540 миллионов долларов, а ежедневные расходы на нее приближаются к 100 тыс. долларов. Экипаж девятипалубной яхты составляет около 80 человек.

Из открытых источников.

Ремонт тяжелого атомного ракетного крейсера «Адмирал Нахимов», одного из крупнейших надводных кораблей ВМФ России, начнется в 2011 году, сообщает ИТАР-ТАСС со ссылкой на пресс-службу северодвинского предприятия «Севмаш». Корабль простаивает у причала предприятия с 1999 года, поскольку его плановый ремонт регулярно откладывался из-за недостатка финансирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.